РУСЬ против ТОХТАМЫША
СОЖЖЕННАЯ МОСКВА
Виктор ПОРОТНИКОВ

Виктор Петрович Поротников

Русь против Тохтамыша. Сожженная Москва

Серия «Русь изначальная»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329878
Виктор Поротников. Русь против Тохтамыша. Сожженная Москва: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73790-1

Аннотация

Новый роман о переломной эпохе нашей древней истории. Захватывающий боевик о трудном подъеме Руси после Куликовской битвы, о начале конца проклятого Ига и о том, какую страшную цену пришлось заплатить нашим предкам за свободу и независимость.

Разгромив Мамаевы полчища на Куликовом поле, Русь расчистила путь к власти чингизиду Тохтамышу, который убил побежденного соперника и стал повелителем Золотой Орды. Но почему же вместо благодарности новый хан затеял поход на Москву, разграбил город и сжег Кремль? Как Тохтамышу удалось застать Дмитрия Донского врасплох, по чьей вине Русь пропустила жестокий удар всего через два года после победы в Куликовской битве? И благодаря кому этот набег не стал новым

Батыевым нашествием, а татары не смогли поставить Русь на колени и спешно ушли обратно в степи, едва узнав о приближении русской рати, спешившей на выручку Москве?..

Содержание

Часть I 5
Глава 1. Бегство Мамая 5
Глава 2. Удар плетью 16
Глава 3. Слухи из Сарая 25
Глава 4. Потомок Тукай-Тимура 28
Глава 5. Щедрость Тохтамыша 41
Глава 6. Ханум 48
Глава 7. Мамаев курган 61
Глава 8. Эмир Едигей 75
Глава 9. Кафа 90
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Виктор Поротников
Русь против Тохтамыша. Сожженная Москва

Часть I

Глава 1. Бегство Мамая

От гулкого топота копыт дрожала степь. Татарская конница откатывалась на юг в стремительном бегстве. Русские конники неудержимой лавиной преследовали степняков по пятам. За спиной у победоносных русских дружин расстилалось обширное Куликово поле, заваленное многими тысячами павших воинов, русичей и татар.

Сквозь завесу из пыли, поднятой копытами коней, светило низкое багровое солнце, скатившееся к кромке горизонта.

Мамай нещадно погонял коня, летевшего галопом по высокому степному травостою. Душа Мамая была объята смятением и страхом после всего случившегося в этот погожий сентябрьский день. Битва, начавшаяся около полудня, поначалу разворачивалась успешно для татар, разбивших наголову передовой полк русов и смявших их левое крыло. Мамай

уже торжествовал в предвкушении того, что его тумены вот-вот сбросят расстроенные русские полки в реку Непрядву. Однако картина сражения быстро поменялась, когда в спину татарам ударил засадный русский полк. За какой-то час воспрянувшие духом русские ратники сломали боевые порядки татар в центре и на флангах. Обратившиеся в повальное бегство татары чуть не смяли ставку Мамая на Красном холме, с которого открывался превосходный вид на Куликово поле.

Мамаю ничего не оставалось, как вскочить на коня и слиться с потоком бегущих ордынских воинов, поскольку на его приказы и гневные окрики все равно никто не реагировал. И вот, скрипя зубами от бессильной ярости, Мамай мчится галопом куда-то в степную даль, оставив в своем шатре шлем, оружие и свои любимые яшмовые четки.

От Мамая не отстают полсотни преданных нукеров и кучка его слуг. Справа и слева от Мамая растекаются по степному раздолью конные ордынские отряды, измученные и поредевшие. Дабы облегчить бег усталых коней, татарские батыры швыряют на землю знамена, копья, щиты и колчаны, опустевшие в ходе сражения.

Где-то сзади звучит боевой клич русской погони, звенят русские мечи, настигая убегающих татар.

Мамай и его небольшая свита, перевалив через гряду холмов, уходят перелесками вдоль извилистой речки Птани. Победные крики русичей понемногу затихают вдали, там, где багрово полыхает закат.

Скакали долго в сырых сгущающихся сумерках. Наконец, жеребец под Мамаем выдохся и захрапел, мотая головой. С его морды клочьями летела белая пена. Мамай остановил запаленного стремительной скачкой скакуна и спрыгнул с седла в высокую траву. Оглядев свою свиту, Мамай обнаружил, что половина его телохранителей отстала от него. Подле Мамая оставались лишь нукеры на самых выносливых лошадях.

Стремянный Актай подвел к Мамаю свежего коня тулпара, поджарого и узкозадого, чалой масти, с длинной светлой гривой. Этих коней с незапамятных времен разводят кипчаки.

– Прыгай в седло, повелитель, – торопливо бросил Актай. – Надо скакать дальше, пока совсем не стемнело.

Опершись на плечо стремянного, Мамай тяжело взобрался в седло. «Повелитель… – Горькая усмешка скривила рот Мамаю. – Разве похож я теперь на повелителя, если бегу, как заяц, от урусов! Удираю от своих вчерашних данников! Вот уж не думал, что доживу до такого позора!» Надо было спешить. Мамай огрел чалого жеребца камчой, бросая его с места в карьер. Дожидаться своих отставших нукеров Мамай не собирался.

Неистовая скачка по степным увалам длилась до темноты. На берегу реки Красивая Меча Мамай и его спутники остановили усталых коней. Ночной мрак окутал бескрайнюю равнину. Пора было подумать о ночлеге.

Мамаевы слуги развели костры, нарубив сухого тальника в речной низине. Для Мамая нукеры разложили небольшой костер в стороне от прочих костров. Дабы укрыть Мамая от пронизывающего ветра, его телохранители воткнули в землю копья, растянув на них свои плащи и образовав некое подобие матерчатой ширмы.

Сидя на густой холодной траве, Мамай нервно вертел в руках ременную плеть. Глядя на языки пламени, с треском пожиравшие хворост, Мамай взвешивал на мысленных весах все свои вчерашние действия и решения. Мамая угнетала и грызла мысль о том, что он потерпел поражение, будучи в одном шаге от победы. Случившийся крах можно было объяснить либо какой-то случайностью, либо ошибочным решением. Эту роковую ошибку Мамай сейчас пытался отыскать, мысленно перебирая события вчерашнего дня с того самого момента, когда татарские дозорные вдруг наткнулись на развернутое для битвы русское войско, и Мамаева орда устремилась на сближение с русами.

Наконец усталость взяла свое, и Мамай погрузился в глубокий сон лежа у костра. Мамаева свита тоже вповалку спала возле тлеющих кострищ, даже не выставив дозорных. Стреноженные кони щипали траву и громко фыркали, чуя в ночной мгле крадущихся степных лисиц.

Туманный рассвет обдал пробудившегося Мамая сыростью и холодом. Вскочив на одеревеневшие ноги, Мамай пинками и бранью разбудил своих людей, спавших на попо-

нах возле догоревших костров. Нукеры и слуги зевали во весь рот, протирая глаза и ежась от холода. Кто-то принялся растреноживать и седлать коней, кто-то вновь разжигал костры, желая поскорее согреться.

Мамай расхаживал между кострами с нахмуренным лицом, покрикивая на слуг и воинов, торопя их собираться в дальнейший путь. Кто-то из нукеров протянул Мамаю кусок сушеной конины. Присев на корточки у костра, Мамай принялся жадно жевать мясо. Он вдруг почувствовал, что сильно проголодался.

Внезапно из-за холма показалась большая группа конников, которые двигались рысью и вразброд. Подъехав к реке, наездники спешились и принялись поить усталых лошадей. Это были воины-кипчаки из разбитого Мамаева воинства. Ими верховодил какой-то скуластый сотник с желтыми волосами, заплетенными в две короткие косы. Кожаный панцирь на сотнике был забрызган кровью, это говорило о том, что он побывал в самой гуще битвы. Бронзовый шлем с плоским верхом на голове сотника имел вмятины от ударов вражеских мечей.

Мамай пожелал узнать имя этого храброго сотника. Разговаривая с Мамаем, молодой военачальник почтительно прижал ладонь к груди. Он был из кипчакского рода канглы. Звали его Тоганом.

– Всех твоих воинов я зачисляю в свои телохранители, – объявил Мамай оторопевшему Тогану. – Ты сам отныне бу-

дешь эмиром.

Следом за кипчаками в речную долину прихлынула аланская конница, вынырнувшая из-за холмов, над которыми всходило бледное утреннее солнце. Чешуйчатые панцири и ребристые островерхие шлемы алан искрились и блестели под солнечными лучами. Среди аланских всадников оказались несколько знатных татарских мурз и кипчакский шаман Кудаш.

Заметивший Кудаша Мамай рванулся к нему с перекошенным от злобы лицом, на котором еще явственнее проступили глубокие морщины на лбу и в уголках глаз.

Спрыгнувший с седла Кудаш хотел было напиться из реки, но не успел сделать и трех шагов, как оказался в цепких руках рассерженного Мамая.

– Вот ты и попался, лживый негодяй! – злобно шипел Мамай прямо в лицо оробевшему Кудашу. – Не ты ли гадал мне на бараньей лопатке и предсказал победу над урусами! Не забыл, собачье отродье? Я щедро заплатил тебе за камлание, но, как оказалось, все твои предсказания оказались сущей брехней! Урусы разбили мое войско наголову! Я сам чудом ускользнул от их мечей и копий. Ты ответишь мне за это, мерзавец! – Свалив трясущегося, как в лихорадке, Кудаша на росистую траву, Мамай принялся остервенело пинать его ногами, ощерив редкие зубы и свирепо приговаривая: – Вот, тебе расплата за лживое камлание, жалкий червь!.. Получи награду за свои лживые бредни, гнусная тварь!.. Полу-

чи сполна!.. Получи!..

Несмотря на то что Кудаш пытался закрывать голову руками, Мамай все же разбил ему лицо в кровь. Никто из воинов и слуг не осмелился остановить Мамая, который был похож на разъяренного демона. Наконец Кудаш потерял сознание. Мамай, тяжело дыша, пнул шамана еще раз, затем жестом подозвал к себе военачальника Тогана.

– Добей эту падаль! – коротко бросил Мамай Тогану, плюнув на неподвижное тело шамана, закутанное в длинный темный халат, к поясу которого были прицеплены различные амулеты из дерева и кости.

Тоган выхватил у кого-то из кипчаков короткое копье и заколол Кудаша точным и сильным ударом в сердце.

Убийство шамана считалось большим кощунством, поэтому никто из кипчаков и алан не осмелился снять с убитого Кудаша его добротные сафьяновые сапоги, никто не подобрал его кожаную сумку и замшевую шапку, отороченную лисьим мехом. Воин-кипчак не взял из рук Тогана свое копье, поскольку на нем была кровь шамана. Тоган воткнул копье в землю рядом с мертвым Кудашем и отошел к своему коню.

Мамай отдал приказ воинам и слугам садиться на коней. В этот момент к Мамаю подскочил мурза Сатай, облаченный в доспехи, с саблей на поясе.

– Повелитель, убийство шамана есть тяжкий грех, – проговорил Сатай. – Зря ты обрек Кудаша на смерть. Тень Ку-

даша теперь будет преследовать тебя повсюду. Надо хотя бы похоронить тело Кудаша по шаманскому обряду.

Мамай едва взглянул на Сатая, собираясь сесть верхом на коня.

– Вот ты и останешься здесь, дабы упокоить прах Кудаша, – сказал он. – Ведь Кудаш пользовался твоим покровительством. Он был для тебя почти родственником.

Сатай отступил на шаг, склонив голову в островерхом шлеме и прижав ладонь к груди. Всем своим видом Сатай показывал, что он готов выполнить повеление Мамая.

Мамай уже всунул ногу в стремя, но так и не вскочил в седло. К нему подступили мурза Чалмай и военачальник Огул-бек. Их голоса прозвучали раздраженно, почти гневно.

Оба поддерживали мурзу Сатая в том, что Мамай совершил непростительное зло, приказав убить шамана Кудаша.

– Тень Кудаша может выместить свою месть и на нас, ведь мы стали невольными свидетелями сего злодеяния, – сердито промолвил Чалмай, сдвинув на затылок свою островерхую шапку. – Повелитель, нужно замолить сей грех. Надо принести жертву душе убитого шамана.

– Верные слова! – поддержал Чалмая плечистый Огул-бек.

«Осмелели, собаки! – подумал Мамай, повернувшись к Чалмаю и Огул-беку, позади которых стоял мурза Сатай. – Еще два дня тому назад я мог казнить кого угодно, никто в моем окружении не смел мне перечить! Все вельможи ходи-

ли за мной, согнув спины и потупив очи. Стоило мне потерпеть поражение от урусов, и псы-лизоблюды начали скалить на меня зубы!»

Мамаю нестерпимо хотелось хлестнуть Чалмая плетью по лицу, но он сдержал себя. Мамай опасался, что если вдруг начнется потасовка, то аланы, пришедшие сюда вместе с Чалмаем и Огул-беком, могут одолеть кипчаков Тогана. Аланов было гораздо больше, чем воинов Тогана и Мамаевых нукеров.

– Дивлюсь я тебе, Чалмай, – криво усмехнулся Мамай. – Ты же исповедуешь ислам, а между тем веришь в колдовство языческих шаманов. И ты, Огул-бек, являешься мусульманином, но почему-то смотришь в рот таким горе-колдунам, как Кудаш. Это совсем вас не красит, храбрые мужи.

Мамай осуждающе покачал головой, слегка нахмурив брови.

– Повелитель, но ведь и ты с юных лет ходишь в мечеть и творишь молитву Аллаху по пять раз в день, – заметил Мамаю Чалмай. – И все же это не мешает тебе держать подле себя языческих знахарей. Кто смеется над горбатым, сам должен ходить прямо.

Мамай набычился, собираясь ответить Чалмаю грубо и резко, но не успел этого сделать.

Вдруг раздался крик, это подавали сигнал тревоги стоявшие в дозоре аланы. «Русы скачут сюда! Русы надвигаются! – кричали дозорные, мчась галопом с вершины холма. – Русов

очень много!»

Это мигом прекратило все споры. Мамай вскочил на коня и поскакал к речному броду, по которому уже двигались длинной вереницей аланские всадники. От Мамая не отставали его нукеры и слуги. Кипчаки во главе с Тоганом тоже ринулись гурьбой вслед за Мамаем.

Побежали к своим коням Чалмай и Огул-бек. Мурза Сатай, прежде чем сесть в седло, приволок за ноги бездыханное тело шамана к береговому откосу и столкнул его в быстротекущую мутную воду.

Чалый тулпар под Мамаем, рысью преодолевая брод, поднял высокие водяные брызги. Оказавшись на другом берегу, Мамай утер лицо рукавом цветастого чапана и оглянулся назад. На гребне холмов, откуда примчались дозорные аланы, маячили всадники на крупных гривастых лошадях, их было не меньше полусотни. Судя по шлемам, по красным овальным щитам и по треугольным флажкам на копьях это были русичи, сомнений никаких не оставалось.

Увидев степняков, переходивших реку вброд, русичи схватились за луки. Длинные оперенные стрелы со свистом прорезали воздух, падая в реку и со звоном ударяясь о круглые щиты кипчаков, замыкавших Мамаев отряд. Одна из стрел со зловещим гудением пролетела над головой Мамая, вонзившись в землю рядом с передними копытами его коня. Мамай невольно пригнулся к лошадиной гриве. Не имея на себе ни шлема, ни панциря, он чувствовал себя совершенно

незащищенным.

«Откуда у русов взялись такие выносливые лошади? – мрачно думал Мамай, мчась галопом в степную даль. – Неужели проклятые урусы будут гнаться за мной до самой Волги?»

Глава 2. Удар плетью

Лишь удалившись от реки Красивая Меча на дневной переход, Мамай смог, наконец, облегченно перевести дух. Русская погоня отстала от него. Мамай продолжал двигаться на юг, к излучине Дона, там находились его кочевья и стада. Вокруг Мамая постепенно собралось около трех тысяч всадников: татар, саксин, аланов и кипчаков. То была жалкая горсть от разбитой и рассеявшейся в степях стотысячной Мамаевой орды.

Мамай был полон решимости этой же осенью собрать новое войско, дабы нанести сокрушающий удар по Руси. Мамаю не терпелось не только разбить наголову московского князя, но и разорить дотла Москву. Позор поражения жег Мамая нестерпимо!

На четвертый день пути Мамай наткнулся у реки Хопер на другой отряд из своего разбитого воинства, расположившийся на ночлег. Пастбища вдоль реки Хопер принадлежали кипчакскому племени карабиркли. Черные кипчакские юрты стояли широким полукругом на луговине близ высоких камышовых зарослей. В загонах, сооруженных из тростника и ивовых ветвей, блеяли овцы и мычали низкорослые степные коровы. В Мамаевой орде было немало воинов из племени карабиркли.

Спешившись возле ярко пылающего костра, Мамай столк-

нулся лицом к лицу с военачальником Кайрауком, начальником над тысячей всадников. Кайраук почтительно поприветствовал Мамая, слегка склонив голову, обмотанную окровавленными тряпками из тонкого льна.

– Что, приятель, не ожидал узреть меня живым? – ухмыльнулся Мамай, небрежно потрепав Кайраука по плечу. – Вижу, не ожидал! Русы в затылок мне дышали, но я все же ушел от них! И вот я здесь.

– Рад видеть тебя во здравии, повелитель, – пробормотал Кайраук и отвесил поклон Мамаю. – Моя юрта – твоя юрта. Отведай моего жаркого из барашка, моего творога и кумыса.

– Ты ранен, что ли? – Мамай окинул военачальника пытливым взглядом. – Серьезно или как?

– Какой-то русич едва не расшиб мне башку топором, но я успел заколоть его копьем, – горделиво ответил Кайраук. – Покуда слуга перевязывал мне голову, в битве случился перелом. Русские собаки нанесли удар из засады и опрокинули наши тумены. Началось повальное бегство. Коль татары бросились наутек с Куликова поля, то и моим батырам тоже пришлось удирать от русских полков.

Кайраук топтался перед Мамаем с виноватым видом.

– Ты храбрый рубака, друг мой. – Мамай ободряюще кивнул Кайрауку. – В том, что случилось на поле Куликовом, нет твоей вины.

В этом кипчакском стойбище проживала родня Кайраука со стороны его жены.

Кайраук привел Мамая в большую теплую юрту, где в очаге пылал огонь и пахло свежезажаренным мясом. Две пожилые женщины в длинных до пят балахонах, увешанные серебряными монистами, услужливо поднесли Мамаю медный таз с водой и белый чистый рушник. Мамай с наслаждением смыл со своего лица и с рук пыль и пот. Впервые за последние четыре дня Мамай снял с себя пояс и сапоги.

Жуя горячую баранину, Мамай расспрашивал Кайраука о том, далеко ли отсюда разбросаны прочие курени племени карабиркли, много ли воинов уцелело в его тысяче после сечи на Куликовом поле, смогут ли в ближайшие два-три дня сюда съехаться старейшины и беки из окрестных кипчакских родов.

– Гонцов по кочевьям разослать нетрудно, повелитель, – молвил Кайраук, потягивая кумыс из неглубокой круглой чаши без ножки. – Токмо зачем все это?

– Я хочу объявить новый сбор войск для похода на Москву! – ответил Мамай, икая и давясь непрожеванным мясом. – Князья русские в скором времени разойдутся по своим уделам, московляне начнут праздновать свою победу на Куликовом поле, тут-то я и застигну русов врасплох! Нагряну к Москве нежданно-негаданно и схвачу московского князя за горло! – Мамай сжал кулак и потряс им перед собой. – Я жестоко отомщу урусам за свое нынешнее бегство, залью Москву кровью! Суздаль и Владимир сровняю с землей!..

Мамай закашлялся, подавившись мясом.

Кайраук заговорил было о том, что вот-вот наступит пора для перекочевки на зимние пастбища, поэтому кипчакам теперь будет явно не до войны. Как и всем прочим степнякам, живущим в донских и приволжских степях.

– Пусть стада и повозки с барахлом перегоняют на юг женщины и рабы, – сердито рявкнул Мамай, отшвырнув к войлочной стенке юрты обглоданную кость. – Мужчин из татарских и кипчакских кочевий я заберу с собой в новый поход на Русь. Как я решил, так и будет!

Кайраук примолк и, опустив глаза, допил кумыс из чаши. Он по-прежнему робел перед Мамаем, могущество которого было неоспоримо, во всяком случае, до битвы с русами на Куликовом поле. Уходя в этот злосчастный поход на Москву, Мамай велел убить хана Мухаммеда-Булака. Мамай собирался сам занять трон Золотой Орды после разгрома русских князей. Пусть Мамаю не удалось разбить московского князя и его союзников, но ведь ханский трон теперь пустует. Кто посмеет помешать Мамаю стать золотоордынским ханом?

Так размышлял Кайраук, выйдя из теплой юрты на промозглый ветер, чтобы выполнить повеление Мамая. Отобрав из своих воинов самых крепких и смышленых, Кайраук разослал их к ближним и дальним кипчакским кочевьям, невзирая на сгустившиеся сумерки. Мамаю не терпелось начать сбор нового войска, поэтому гонцы уже к рассвету были обязаны передать его волю кипчакской родовой знати.

Выполнив приказ Мамая, Кайраук сел у костра рядом со своими сотниками. Здесь же сидели, угощаясь кумысом и жареным мясом, татарские военачальники, прибывшие в это стойбище вместе с Мамаем. Узнав от Кайраука, что Мамай собирается еще до первого снега собрать новое конное войско и двинуться с ним на Москву, знатные татары принялись делиться своими мнениями относительно этой Мамаевой затеи. Разгоряченные кумысом военачальники высказывались смело и дерзко.

– Мамай свихнулся, не иначе, – сказал Чалмай, постучав кулаком по своей выбритой наголо голове. – Он с таким трудом собрал десять туменов, потратив на это пять месяцев и кучу денег. И где ныне эти тумены? Они разбиты вдрызг русскими полками у речки Непрядвы, разбиты и рассеяны по степи, как дым под порывами ветра. Скоро во всех кочевьях узнают о страшной бойне на Куликовом поле, узнают о многих тысячах убитых татар, саксин и кипчаков, которые уже никогда не вернутся к своим семьям… После таких слухов под стяги Мамая никто не пойдет, я уверен в этом.

– Это верно, – согласился с Чалмаем Огул-бек. – Мамай упустил поводья из рук. Поражение от урусов отныне будет довлеть над Мамаем, как проклятье. Удача отвернулась от Мамая.

– Мамай еще не сознает в полной мере, что он теперь батыр, выбитый из седла, – заметил мурза Сатай. – Снова сесть в седло Мамаю будет весьма непросто. Похоже, звезда Ма-

мая закатилась. Мамай всегда с таким презрением отзывался о русах, как о своих рабах. И именно урусы нанесли Мамаю сокрушительное поражение! Воистину, это злая усмешка судьбы!

– Мамай всегда смеялся над теми, кто предрекал ему беды и поражения, – вновь заговорил мурза Чалмай. – Мамай любит повторять, что он крепко держит судьбу за хвост. Но получается, что рок выскользнул из рук Мамая и обрек его на унизительное поражение от своих же данников. Что может быть ужаснее и смешнее этого?..

Но разговор у костра вдруг разом прекратился. Военачальники замолкли и замерли, слегка растерявшись. Из мрака, окружавшего костер, бесшумно появился Мамай в наброшенном на плечи длинном плаще, подбитом волчьим мехом. Мамай был заметно во хмелю, на его раскрасневшемся лице с тонкими усиками и маленькой куцей бородкой застыла мина нескрываемого раздражения. Вместе с тем раскосые глаза Мамая сверкали злорадным блеском, ибо он видел, как смутил своим внезапным появлением не в меру разговорившихся военачальников. Войлочная шапка с загнутыми полями и высоким верхом торчала на голове Мамая, съехав набок.

– Петухи раскукарекались, полагая, что хозяин спит, утомленный долгой дорогой, – насмешливо проговорил Мамай, чуть заметно пошатываясь из стороны в сторону. – Петухи позабыли, как хозяин рубил головы таким же пустобрехам, кои осмеливались открывать рот не к месту. Даже хан

Мухаммед-Булак остался без головы, возомнив о себе слишком много и забыв, кому он был обязан ханским троном.

– Мы тут просто беседуем, повелитель, – промолвил мурза Сатай, стараясь скрыть снедавшее его волнение. – Обсуждаем наше непростое положение, только и всего.

– Нет, вы не просто беседуете, – сердито возразил Мамай, уперев руки в бока. – Вы, паскудники, обливаете меня грязью за глаза! Злорадствуете, как последние негодяи! Радуетесь моему поражению и бегству с Куликова поля, мерзавцы! Я не глухой и прекрасно слышал ваши речи, стоя вон за той юртой. – Мамай указал плетью на войлочный шатер у себя за спиной. – Вы не верите, что мне удастся быстро собрать новое войско. Вам кажется, что удача отвернулась от меня и никто не пойдет со мной в новый поход на Русь. А кое-кто из вас полагает, что я безумец. – Мамай взглянул на мурзу Чалмая. – Более того, я стал посмешищем для вас, ибо был разбит урусами, своими данниками.

Два кипчакских сотника, сидевшие на вязанках хвороста бок о бок с Чалмаем, поспешно отодвинулись от него, как от прокаженного. Сотники поняли по недобрым глазам Мамая, что он очень зол на Чалмая и не намерен прощать ему столь дерзкие речи.

Чалмай нервно заерзал на низенькой деревянной скамеечке. Он попытался задобрить Мамая шуткой.

– Повелитель, люди молвят, как с хмельного языка сорвалось, так и совралось. – Чалмай встал и вежливым жестом

предложил Мамаю сесть на его место. – О владыка, позволь угостить тебя здешней арзой и кумысом.

– Ого, ослиный помет заговорил! – обронил Мамай, кривя свои тонкие губы. – Не хочу сидеть рядом с таким дерьмом, как ты!

Быстро вскинув правую руку, Мамай полоснул Чалмая плетью прямо по лицу. Чалмай вскрикнул и закрыл левый глаз ладонью, из-под которой потекли тонкие струйки крови. Упав на колени, Чалмай раболепно склонил голову перед Мамаем.

С торжествующим видом Мамай пнул Чалмая сапогом в плечо. Тот неловко упал на бок, продолжая зажимать рассеченный глаз ладонью. Резко повернувшись, Мамай удалился прочь, растаяв во мраке ночи.

Усталость и сытный ужин сморили Мамая. Добравшись до мягкой постели, он завалился спать. Мамай спал так крепко, что не почувствовал, как услужливые женские руки сняли с него пояс, чапан и сапоги.

Пробудившись на рассвете от сильной жажды, Мамай окликнул слуг. Напившись овечьего молока, Мамай велел позвать к нему мурзу Чалмая. Мамаю вдруг захотелось узнать, уцелел ли у Чалмая левый глаз после удара камчой.

Вместо Чалмая перед Мамаем предстал военачальник Тоган.

После короткого приветствия Тоган поведал Мамаю, что Чалмай еще ночью покинул стойбище.

– Куда он подался? – спросил Мамай.

– Не ведаю, повелитель, – зевая, ответил Тоган. – Вместе с Чалмаем уехали Сатай и Огул-бек.

– Вот паршивые собаки! – злобно обронил Мамай, вскочив с лежанки. – Теперь эти выродки станут всячески пакостить мне! Надо было свернуть им шеи, всем троим! Что говорил Чалмай, когда собирался в путь посреди ночи? – Мамай, метавшийся по юрте, замер на месте, глядя на Тогана. – Наверняка этот паршивец ругал меня, ведь так?

– Нет, повелитель, – Тоган тряхнул своими желтыми косами, – Чалмай помалкивал, седлая коня. Но я слышал, что молвили между собой Сатай и Огул-бек, привязывая к седлам дорожные сумки. Они страшились твоего гнева, о великий. Сатай сказал, что помеченный плетью Чалмай навсегда лишился Мамаевой милости. Мол, Чалмай обречен на смерть. А значит, и они с Огул-беком тоже поплатятся головами, как друзья Чалмая. Огул-бек согласился с Сатаем.

– Пусть бегут от меня подальше, негодяи! – процедил сквозь зубы Мамай. – Все равно я настигну их рано или поздно.

Отпустив Тогана, Мамай опять повалился на ложе и захрапел.

Глава 3. Слухи из Сарая

Гонцы, разосланные Кайрауком по дальним и ближним кипчакским кочевьям, через три дня возвратились обратно один за другим. Среди вестников находился племянник Кайраука, двадцатилетний юноша по имени Тирек. Своего племянника Кайраук отправил к стойбищам племени эльбули, разбросанным в междуречье Дона и Волги. Племя эльбули было самым многочисленным из донских кипчакских родов и племен. Мамаю хотелось в первую очередь заручиться поддержкой племени эльбули.

Вернувшийся из дальней поездки Тирек сообщил Мамаю оглушительную весть. Старейшины и беки из племени эльбули наотрез отказались подчиниться Мамаю. Они намерены присягнуть на верность хану Тохтамышу, пришедшему из Синей Орды и захватившему Сарай. По слухам, Тохтамыш привел с собой большое войско и без боя взял Сарай, наложив руку на сокровища Мамая и на его гарем.

Мамай не поверил Тиреку, убеждая Кайраука и все свое окружение, что скорее всего Сарай захватили сторонники обезглавленного хана Мухаммеда-Булака.

– Эти трусливые шакалы осмелели, полагая, что меня нет в живых, – негодовал Мамай. – Видимо, слух о моем поражении на поле Куликовом докатился до Сарая, посеяв смятение в умах тамошней знати. Мои сторонники растерялись

и утратили власть над городом. Скоро я нагряну в Сарай, тогда прихвостням казненного Мухаммеда-Булака не поздоровится, клянусь Аллахом!

Однако кипчакские беки, приехавшие на встречу с Мамаем, все как один твердили о хане Тохтамыше, который утвердился в Сарае и тоже созывает всех кочевых вождей на всеобщий съезд. Тохтамыш обещает щедрые льготы всем знатным степнякам, признавшим его власть.

Мамай понимал, что знатные кипчаки, откликнувшиеся на его зов, вовсе не намерены безоглядно следовать за ним. Беки и беи приехали скорее для того, чтобы увидеть, какими силами располагает Мамай после поражения от русов. Мамаю пришлось расточать перед кипчакскими вождями обещания озолотить их, если те помогут ему изгнать из Сарая Тохтамыша, а затем двинутся с ним в новый поход на Русь.

К счастью для Мамая, в эти дни к нему примкнуло еще около четырех тысяч всадников из его рассеянного по степям воинства. Таким образом, под началом у Мамая собралось около семи тысяч конников. Старейшины племени карабиркли изъявили готовность поддержать Мамая в его противостоянии с Тохтамышем. Послы из племени кунун тоже заверили Мамая в своей преданности ему. Лишь посланцы из племени оглы не сказали Мамаю ничего определенного, выпросив у него время на раздумье. От племени эльбули и вовсе никто не прибыл. Это было плохим знаком. Дабы не оттолкнуть от себя колеблющихся, Мамай не осмеливался

выказывать свой крутой нрав, сознавая, что былого могущества у него теперь нет. Владычество над Золотой Ордой Мамаю предстояло завоевать в схватке с Тохтамышем.

Из троих сыновей Мамая лишь самый младший находился в отцовской свите. Младшему Мамаеву отпрыску было пятнадцать лет, его звали Басаром. Поскольку Басар был трусоват и плохо владел оружием, Мамай не позволил ему участвовать в битве с русскими полками на Куликовом поле. Во время бегства от победоносных русских дружин Басар не отставал от Мамая, благо конь под ним был арабских кровей.

Старшие сыновья Мамая, Солтанбек и Салджидай приняли участие в сече с русским войском. Что с ними сталось, Мамай не знал. Убитыми его сыновей никто не видел, но и среди тех воинов, кому удалось уйти живыми с поля сражения, их не оказалось. Вполне могло случиться и так, что Солтанбек и Салджидай, получив ранения, угодили в плен к русам. Мамай сильнее всего горевал о своем любимце Солтанбеке. В глубине души Мамай тешил себя надеждой на то, что его старшие сыновья либо где-то затаились, оставшись без лошадей, либо сумели ускакать от русской погони и до сих пор блуждают по степям.

К войску Мамая, стоявшему станом на реке Хопер, то и дело прибивались разрозненные группы татар, кипчаков и саксин, пробиравшихся на юг. Это были мелкие осколки от могучего Мамаева воинства, утратившего единство и дисциплину после тяжелого поражения на Куликовом поле.

Глава 4. Потомок Тукай-Тимура

Всех потомков Чингисхана татары называли царевичами-огланами. Именно отпрыски «золотого Чингизова рода» имели право на высшую власть в Золотой и Синей Орде, а также в державе Хулагидов, раскинувшейся на территории Ирана и Закавказья.

Тохтамыш был старшим сыном Туй-Ходжи, владевшего Мангышлаком в Синей Орде. Свой род Тохтамыш возводил к Тукай-Тимуру, самому младшему из сыновей Джучи, который, в свою очередь, являлся первенцем великого Чингисхана. Ханским троном в Синей Орде владела двоюродная родня Туй-Ходжи. Поскольку Туй-Ходжа тоже претендовал на трон, опираясь на кочевников-туркмен, он был убит слугами Урус-хана, властелина Синей Орды.

В свое время Чимтай, отец Урус-хана, оттеснил от ханского трона своего брата Кутлуг-Ходжу, сыном которого был Туй-Ходжа.

Тохтамышу пришлось спасаться бегством от людей Урус-хана, которые повсюду его искали, собираясь убить. Прибежище Тохтамышу предоставил эмир Самарканда Тимур. После ранения в ногу Тимур охромел, поэтому получил прозвище Ленг, что по-персидски значит Хромец. Тимур снабдил Тохтамыша золотом и припасами, дал ему сильное войско. С этим войском Тохтамыш разбил Урус-хана и занял ханский

трон в Синей Орде.

Неуемная жажда новых завоеваний сподвигла Тохтамыша к походу на берега Волги. Захватив Сарай, Тохтамыш объявил себя ханом Золотой Орды, обосновав это тем, что прежний хан Мухаммед-Булак был убит Мамаем. Поскольку Тохтамыш являлся чистокровным Чингизидом, золотоордынская знать без колебаний признала его владыкой Золотой Орды. Зная, что Мамай тоже метит на ханский трон, Тохтамыш объявил его своим врагом.

* * *

Сидя на широком позолоченном ханском троне, Тохтамыш внимательно разглядывал троих татарских военачальников, перебежавших к нему от Мамая. Одного из перебежчиков звали Чалмаем, у него на лице виднелся свежий рубец от удара плетью. Чалмай не скрывал своей лютой ненависти к Мамаю за то, что тот едва не выхлестнул ему плетью левый глаз. Два других перебежчика, Сатай и Огул-бек тоже были настроены крайне непримиримо к Мамаю, обвиняя его в бессмысленной жестокости и в стремлении захватить ханский престол.

– Являясь гурленем, ханским зятем, Мамай возомнил, что и он достоин ханского трона, – молвил мурза Сатай. – Ханум, дочь хана Бердибека, родила Мамаю троих сыновей. Ради них-то и усердствует Мамай, цепляясь за власть и устра-

няя здешних ханов одного за другим.

– Сначала Мамай убил Абдуллаха, потом Мухаммеда-Булака, – вставил Огул-бек, почтительно взирая на Тохтамыша. – Оба являлись потомственными Чингизидами. Мамай сам возвел их на трон, управляя Золотой Ордой от их имени. По воле же Мамая эти двое Чингизидов расстались с жизнью.

– Верно-верно, – закивал головой Чалмай. – Мамай хитер и коварен. Став темником, Мамай втерся в доверие к хану Джанибеку, сыну Узбека. Мамай помог Джанибеку взять ханскую власть, переступив через кровь Тинибека, Джанибекова брата. Спустя какое-то время Бердибек, сын Джанибека, с помощью Мамая захватил ханский трон, перешагнув через труп отца. А затем пришел черед и Бердибека, убитого людьми Мамая.

– После смерти Бердибека и всех его братьев в Золотой Орде воцарился хаос, поскольку в живых не осталось никого из прямых потомков великого хана Узбека, – вновь заговорил Сатай. – Этот хаос продолжался двадцать лет. В это смутное время многие пытались завладеть ханским троном, не только Чингизиды из дальней Узбековой родни и царевичи-огланы из Синей Орды, но и совершенно безродные выскочки. Участвовал в этой затянувшейся сваре и Мамай, опять же действуя хитро и расчетливо. Мамай до поры до времени выступал от имени тех безвольных ханов, которых он сам сажал на трон в Сарае. Это продолжалось до тех пор,

покуда Мамай не уверовал в свое могущество настолько, что решил открыто объявить себя ханом после победоносного похода на Русь…

– Вот только победить русов Мамаю не удалось, – злорадно хмыкнул Чалмай, перебив Сатая. – Дамир-мол, князь московитов, собрал большое войско из подвластных ему русских князей и разбил Мамаевы тумены на Куликовом поле. Дамир-мол даже не подпустил Мамая к своим границам.

Непроницаемое лицо Тохтамыша заметно оживилось при упоминании Чалмаем разгромной для Мамая Куликовской битвы. Тохтамыш пожелал узнать подробности этого сражения, благо Чалмай и оба его спутника участвовали в нем. Тохтамыш не скрывал того, что ему в первую очередь интересно знать, почему Мамай не смог одолеть московского князя и много ли войска осталось у Мамая после этого тяжелого поражения.

– Дамир-мол перехитрил Мамая, – сказал Чалмай. – Князь московитов заманил Мамаевы полчища на Куликово поле, окруженное лесами и оврагами, там у нашей конницы не было никакой возможности для фланговых маневров. Мамаевы тумены могли наступать на урусов только в лоб, неся при этом огромные потери.

– К тому же Дамир-мол спрятал в засаде несколько тысяч всадников, которые ударили в спину нашим батырам, уже смявшим левое крыло русов, – промолвил Сатай, сокрушенно покачав головой. – Это привело к тому, что отборные Ма-

маевы отряды оказались в окружении.

– Русы воспрянули духом и начали теснить наши боевые порядки по всему фронту, – подхватил Огул-бек. – Вскоре отступление наших туменов превратилось в повальное бегство. У Мамая не осталось в резерве ни одной сотни конников, поэтому он не смог выправить положение. Мамаю оставалось лишь присоединиться к потоку своих бегущих воинов, дабы не угодить в лапы урусам.

– Урусы долго преследовали наше разбитое воинство, кого-то убивая, кого-то беря в плен, – мрачно продолжил Чалмай. – Много татар погибло во время бегства, гораздо больше, чем во время сечи. Мамаю удалось собрать воедино лишь малую часть из своего разбитого войска, рассеянного по степям и далям.

– У Мамая имеется около десяти тысяч всадников, – добавил Сатай. – Вряд ли он сможет собрать больше в ближайшее время.

На широком смуглом лице Тохтамыша, с темными раскосыми глазами и слегка приплюснутым носом, появилось некое подобие улыбки. Услышанное от этих троих перебежчиков весьма обрадовало его. До сего дня Тохтамыш довольствовался только слухами о том, где может находиться Мамай и какими силами он располагает после поражения от московского князя. Теперь Тохтамыш знал, что Мамай разбил стан на реке Хопер и лихорадочно собирает войско из окрестных кипчаков для похода на Сарай.

Тохтамышу было тридцать два года. Он был довольно высок ростом, широкоплеч и мускулист, как борец или молотобоец. Благодаря дремучим черным бровям, нависавшим над узкими глазами, взгляд Тохтамыша казался недружелюбным и подозрительным. Красиво очерченный волевой рот Тохтамыша был обрамлен тонкими усами и маленькой бородкой. Его иссиня-черные длинные волосы, похожие на лошадиную гриву, ниспадали ему на плечи. Эта грубо подстриженная шевелюра топорщилась щеткой над высоким лбом Тохтамыша, а на висках она была заплетена в тонкие косички, по обычаю кочевников.

Тохтамыш был одет в кипчакский кафтан темно-желтого цвета с красными узорами на плечах, под цвет кафтана были и сапоги из мягкой выделанной бычьей кожи с загнутыми носками. Кожаный пояс на Тохтамыше был украшен серебряными бляшками. На поясе висел изогнутый туркменский кинжал с витой рукоятью и в позолоченных ножнах.

Свита Тохтамыша также была одета в кипчакские одежды, удобные для верховой езды. Лишь дворецкий Тарбей был одет в длинный шелковый халат с широкими рукавами. Тарбей был родом из Сарая. Он перешел на сторону Тохтамыша вместе с теми сарайскими вельможами, кому давно была в тягость деспотическая власть Мамая. Тохтамыш приблизил Тарбея к себе и даже оставил его в прежней должности смотрителя ханского дворца.

Выспросив у троих знатных перебежчиков все, что ему

было нужно и важно, Тохтамыш повелел Тарбею разместить их во дворце. Поняв, что на этом их беседа с новым властелином Сарая закончена, Чалмай, Сатай и Огул-бек низко поклонились Тохтамышу. Затем все трое покинули тронный зал, следуя за толстяком Тарбеем, который жестом поманил их за собой.

Комната, куда Тарбей привел Чалмая и его спутников, была просторна и чисто прибрана. Здесь стояли две деревянные кровати, стол, сундук и две скамьи. На полу были расстелены темно-красные хорасанские ковры, стены побелены известью. Из двух небольших окон, расположенных под самым потолком, струился бледный свет догорающего осеннего дня.

– Я распоряжусь, чтобы сюда принесли еще одну кровать, – сказал Тарбей перед тем, как удалиться.

– Пусть твои слуги захватят и светильники, скоро совсем стемнеет, – бросил Чалмай дворецкому, уже шагнувшему к двери.

Взявшись за дверную ручку, Тарбей обернулся и сделал молчаливый кивок головой, взглянув на Чалмая.

– Не очень-то разговорчив с нами этот жирный суслик! – недовольно обронил Сатай, переглянувшись с Огул-беком и кивнув на резную кипарисовую дверь с закругленным верхом, за которой скрылся Тарбей. – Не нравится мне это! Может, Тарбей-прощелыга знает то, чего мы не знаем. Может, ему ведомо, что наша песенка спета. Не зря же у нас отняли

оружие при входе во дворец.

Встревоженный взгляд Сатая метнулся к Чалмаю.

– Тохтамыш не станет убивать нас, – проговорил тот, скинув с себя теплый верхний чапан и сняв шапку с головы. – Тохтамыш неглуп и понимает, что живые мы ему полезнее, чем мертвые. Спесивый Тарбей просто пытается показать нам, что ныне мы ему не ровня. В прошлом Тарбей кланялся нам, теперь он хочет, чтобы мы ему кланялись. – Чалмай криво усмехнулся. – А может, Тарбей в душе злится на меня за то, что я отказался выдать свою дочь за его сына.

– Скорее всего, причина в этом, – заметил Огул-бек, усевшись на скамью и снимая сапоги. – Отец и дед Тарбея были безродными кочевниками. Тарбей возвысился, благодаря милости Мамая, который тоже не может похвастаться знатными предками. Тарбей давно подыскивает своему сыночку знатную невесту…

– Так ведь вроде Мамай собирался помочь Тарбею в этом деле, – промолвил Сатай, присев на другую скамью.

– Ну да, Мамай обещал Тарбею похлопотать о невесте для его сына, – сказал Чалмай. И после паузы добавил: – Мамай хотел сделать это после похода на Русь. Но теперь Мамаю явно не до Тарбея и не до его безмозглого сыночка. – Чалмай коротко рассмеялся. – Мамай сам остался без гарема, без казны и без войска.

Этот разговор между тремя знатными ордынцами был прерван появлением троих слуг в длинных полосатых хала-

тах, которые внесли в покой еще одну кровать и постельные принадлежности. Следом за слугами появился Тарбей, принесший два масляных светильника.

Эти же слуги, спустя час, принесли ужин незваным гостям Тохтамыша. Перед ужином Чалмай, Сатай и Огул-бек ополоснулись теплой водой в купальне, расположенной в соседнем помещении.

– Гляди, как нас угощают! – молвил Чалмай с набитым ртом, обращаясь к Сатаю. – Если бы мы были не нужны Тохтамышу, разве стали бы нас здесь кормить до отвала.

Соглашаясь с Чалмаем, Огул-бек поспешно закивал головой, слизывая со своих кривых толстых пальцев арбузную патоку. При этом он ободряюще подмигнул Сатаю. Мол, не тревожься понапрасну, приятель!

Сатай хранил молчание, налегая на шашлык из нежного джейраньего мяса. По его лицу было видно, что он поражен и восхищен щедрым угощением Тохтамыша. Чалмай принялся рассуждать о превратностях судьбы и о всевидении Аллаха, который все видит и награждает своей милостью тех, кто этого достоин. Грешники же и негодяи всех мастей рано или поздно подпадают под гнев Аллаха, который лишает их всяческой удачи в делах. При этом Чалмай явно намекал на Тохтамыша, любимца судьбы, и на Мамая, оставшегося ни с чем после поражения в битве с русами. Встречаясь взглядом с Чалмаем, Сатай молча улыбался, жуя горячее мясо. То, о чем разглагольствовал Чалмай, было созвучно душевному

настрою Сатая.

Неожиданно перед тремя сотрапезниками появился человек хорошо им знакомый, поскольку он в свое время являлся слугой начальника местного гарнизона, эмира Буранды. По сути дела, эмир Буранда являлся правой рукой Мамая, который был уверен в его преданности. Уходя в свой роковой поход на Русь, Мамай оставил Сарай на попечение Буранды, под началом которого находилось около четырех тысяч всадников. Обычно гарнизон Сарая насчитывал не меньше десяти тысяч воинов. Однако Мамай ради достижения подавляющего перевеса над полками московского князя был вынужден существенно ослабить воинский отряд, оставленный им в Сарае.

Буранда храбро сражался с войском Тохтамыша и сложил голову в неравной сече. Отряд Буранды был истреблен батырами Тохтамыша почти поголовно.

– А, Савалт! Рад видеть тебя живым и здоровым! – воскликнул Чалмай, делая радушный жест руками. – Присаживайся к столу, отведай арзы или кумыса.

– Ты же знаешь, что Савалт родом с Руси, а урусы кумыс не пьют, – с беззлобной усмешкой заметил Чалмаю Огулбек. – Русам и арза им не по вкусу. Русы любят ячменное пиво и хмельной мед.

Внешность вошедшего в комнату мужа выдавала в нем русича. Он был высок и статен, его довольно длинные светло-русые волосы были стянуты на лбу узкой повязкой. Боль-

шие синие глаза его блестели, как сапфиры. Густые брови его были пшеничного цвета, как и небольшие усы. Одежда на нем богатая и яркая, под стать одеяниям самых знатных татарских вельмож.

– Похоже, ты стал важной птицей, Савалт! – Сатай похлопал русича по плечу, когда тот сел за стол рядом с ним. – Как же это случилось? Почему Тохтамыш пощадил тебя? Или Тохтамышу было неведомо, что ты служил эмиру Буранде?

– Я предал Буранду и перешел на сторону Тохтамыша, только и всего. – Савалт пожал широкими плечами, отчего блестящая волна прошла по его шелковой одежде, расшитой золотыми нитками. – Тохтамыш приблизил меня к себе, поскольку такие люди, как я, на дороге не валяются.

– Ты ведь неспроста пришел к нам, – промолвил Чалмай, пристально взглянув на Савалта. – Говори же, мы слушаем тебя.

– Тохтамыш не доверяет вам, – медленно, словно в раздумье, проговорил Савалт, отщипнув кусочек от ячменной лепешки и отправив себе в рот. – Советники Тохтамыша нашептывают ему против вас.

Огул-бек перестал жевать, переглянувшись с Чалмаем и Сатаем, на лицах которых тоже появилась озабоченность.

– И что же нам делать? – проворчал Чалмай, нервно вытирая полотенцем свои жирные пальцы.

– Вам нужно доказать на деле, что вы искренне готовы служить Тохтамышу, – ответил Савалт тем же негромким

замедленным тоном. – Тохтамыша можно понять, ведь он здесь чужак. Полностью доверять Тохтамыш может лишь военачальникам, пришедшим вместе с ним в Сарай из Синей Орды.

– Но тебе же Тохтамыш почему-то поверил, – сказал Сатай, глядя в глаза Савалту. – Как это объяснить?

Савалт помолчал, выдерживая пристальный взгляд Сатая, затем с таинственным видом произнес:

– Я словечко заветное знаю. Бабка моя была колдуньей, от нее это слово тайное ко мне перешло. Всякий, кто это слово от меня услышит, начинает полагаться на меня, как на себя. Я и эмира Буранду в свое время этим словом околдовал. Он ведь казнить меня хотел за дерзость мою, но передумал и к себе приблизил.

Савалт умолк и многозначительно повел густой бровью.

Сатай понимающе слегка покивал головой.

– Скажи нам это заветное слово, – волнуясь, промолвил Чалмай, протянув русичу кожаный кошель с деньгами. – Я тебе за это серебром заплачу!

– А я готов золотом заплатить! – воскликнул Огул-бек, встряхнув маленький замшевый мешочек с монетами. – Только открой нам сие заветное слово, друг!

– Это заветное словцо я никому не открою ни за какие деньги. – Савалт отрицательно помотал головой. – Вы – люди имовитые и не бедные. Чай, не пропадете и без Тохтамышевой милости. Но ежели вы всерьез вознамерились служить

Тохтамышу, тогда должны исполнить одно его поручение…

Савалт сделал паузу, отправляя в рот горсть изюма.

– Что за поручение? – насторожился Чалмай. – Молви же, не тяни!

– Вам надлежит объехать стойбища донских кипчаков с тем, чтобы подкупом ли, уговорами ли, но склонить большинство степняков на сторону Тохтамыша, – смачно прожевывая изюм, ответил Савалт. – Коль справитесь с этим поручением, други мои, стало быть, и доверие Тохтамыша заслужите.

– Хорошо хоть Тохтамыш не повелел нам доставить к нему голову Мамая, – хмуро обронил Огул-бек, ковыряя ножом в жареных бараньих потрохах.

– Тохтамыш не глупец, поэтому он сознает, что вам по плечу, а что нет, – сказал Савалт, всем своим видом показывая, что на этом разговор окончен.

– Мы готовы выполнить волю Тохтамыша, – промолвил Чалмай безрадостным голосом. – Так и передай ему, Савалт.

Произнеся слова прощания, Савалт вышел из-за стола и направился к двери.

– Кем же ты состоишь при Тохтамыше, дружище? – бросил вослед русичу любопытный Сатай.

– Казначеем, – не оборачиваясь и не замедляя шага, громко ответил Савалт.

Через мгновение он скрылся за дверью.

Глава 5. Щедрость Тохтамыша

– О сиятельный, не слишком ли ты возвысил этого руса? – В голосе эмира Алибека прозвучали нотки недовольства. – По-моему, этот Савалт весьма скользкая рыба! Он же не татарин и не кипчак, к тому же христианин и бывший раб, предавший своего господина. Как можно доверять казну такому человеку!

Тохтамыш, разглядывающий мозаичные узоры на стенах и колоннах тронного зала, повернулся к Алибеку. В глазах Тохтамыша светились восхищение и некая отрешенная задумчивость.

– Этот дворец гораздо роскошнее моего дворца в Сыгнаке, – негромко проговорил Тохтамыш. – С этим дворцом не сравнятся даже великолепные чертоги Тимура Хромца в Самарканде. А я-то полагал, что лучшие каменщики и зодчие Востока собраны у Тимура. Воистину, все познается в сравнении!

Видя, что мысли Тохтамыша витают где-то далеко, Алибек смутился и замолчал.

– Не Сыгнак, а Сарай более годится для центра моей державы, – с воодушевлением продолжил Тохтамыш. – Сарай не только богаче и обширнее Сыгнака, сей город расположен на пересечении торговых путей с севера на юг. От Сарая недалеко до Греческого моря и до моря Персидского. Отсюда и

до Кавказа рукой подать.

Седоусый Алибек, опустив глаза, чуть покивал головой, покрытой круглой бархатной шапочкой. Ему самому нравилось в Сарае. На только что закончившемся военном совете Алибек настаивал на том, чтобы Тохтамыш не уходил с берегов Волги.

Распустив совет, Тохтамыш не удалился из тронного зала, как его приближенные, но пожелал в одиночестве побродить по этому просторному чертогу и полюбоваться его роскошью. За Тохтамышем увязался Алибек, возмущенный тем, что на ханском совете присутствовал русич Савалт. Крайне щепетильному и подозрительному Алибеку это казалось недопустимым!

– Пусть Савалт бывший раб, но по своему рождению он является знатным человеком, – снова заговорил Тохтамыш после продолжительной паузы. – Предки Савалта были боярами во граде Рязани, что на реке Оке. Пребывая в неволе, Савалт выучил татарский и фряжский языки, овладел местным кипчакским наречием. Савалт был не просто рабом при хозяйстве, но служил оруженосцем и порученцем у начальника местного гарнизона. Савалт хитер и храбр. Он ненавидел Мамаева эмира Буранду, потому и предал его. Савалт пригодится мне, когда я двинусь в поход на Русь. Вот почему я возвысил Савалта.

Алибек склонил голову перед Тохтамышем, невольно поразившись его далекоидущим замыслам. На военном сове-

те приближенные Тохтамыша обсуждали то, как им пленить Мамая, а также захват Крыма и Прикубанья. О том же говорил и Тохтамыш, соглашаясь со своими советниками.

«Еще не добит окончательно Мамай, а Тохтамыш уже лелеет планы захвата русских земель! – промелькнуло в голове у Алибека. – Тохтамышу мало кипчакских степей от Яика до Дона, мало Крыма и Прикубанья. Тохтамыша манят богатства русских князей! Как видно, Тохтамышу не дают покоя давние победы Чингисхана и его внука Бату-хана!»

* * *

Большая железная жаровня, наполненная раскаленными углями, пышет жаром.

Косая полоса солнечного света падает сквозь два небольших окна, расположенных почти под самым потолком. За окнами воркуют голуби, постукивая клювами и крыльями в оконные стекла.

На широкой лежанке у стены, завешанной роскошным ковром, сидит молодая женщина, одетая по-восточному с русыми волосами заплетенными в две косы. Молодая красавица занята рукодельем, в ее руках тонкое покрывало, на котором она вышивает узор золотыми нитками. Однако воркование голубей отвлекло красавицу от работы. Подняв голову, она загляделась на птиц, копошащихся за стеклом в оконной нише.

Внезапно скрипнула отворяемая дверь и в комнату вступила стройная женская фигура в длинном розовом одеянии до пят, с белым покрывалом на голове, скрывающем лицо.

– Доброе утро, Фирузэ! – промолвила вошедшая юным приятным голоском. – Извини, что нарушаю твое уединение…

– Да полно тебе, Ильгиза, – отозвалась красавица, восседающая на ложе. – Я рада твоему приходу, иди сюда. Расскажи мне последние новости, а то я прозябаю тут в полной безвестности.

Ильгиза откинула с лица полупрозрачное покрывало и, сбросив замшевые туфли, проворно забралась на ложе, поджав под себя ноги. На вид чернобровой смуглолицей Ильгизе было лет двадцать. Ее подруга со славянскими чертами лица и с синими очами, по имени Фирузэ, привычным движением подставила щеку для поцелуя, когда Ильгиза мягко обвила ее шею руками.

– Что творится ныне во дворце! – волнуясь, зашептала Ильгиза чуть ли не в самое ухо Фирузэ. – Тохтамыш велел отрубить голову старшему повару, якобы за то, что тот пытался его отравить. Всех дворцовых слуг Тохтамыш прогнал с глаз долой. Дворецкому Тарбею велено Тохтамышем набрать новую прислугу. Сарайские вельможи с утра до вечера идут во дворец, желая присягнуть на верность Тохтамышу.

– Чему удивляться, этого и следовало ожидать! – Фирузэ пожала плечами, отложив в сторону шитье. – Мамай вряд ли

одолеет Тохтамыша, все это понимают.

– Еще я слышала краем уха от дворцовых стражей, что будто бы Тохтамыш намерен весь Мамаев гарем раздать своим военачальникам, – волнуясь, продолжила Ильгиза. – А старшую из Мамаевых жен Тохтамыш собирается отпустить на волю.

– За что же такая милость этой злобной гадюке? – с неприязнью в голосе обронила Фирузэ. – Неужто мерзавка Ханум нашла себе могущественных заступников?

– Это ведомо лишь Аллаху, – печально вздохнула Ильгиза. – Видимо, скоро нам придется расстаться, милая Фирузэ. Вряд ли нас с тобой подарят какому-то одному военачальнику.

– Чему быть, того не миновать, дорогая моя, – грустно промолвила Фирузэ, обняв свою подругу за плечи.

Сказанное Ильгизой подтвердилось уже на следующий день.

Сразу после завтрака в покои к Фирузэ пришел Савалт, объявивший ей, что отныне она принадлежит ему.

– Хан Тохтамыш позволил мне выбрать наложницу в Мамаевом гареме, и я выбрал тебя, красавица, – улыбаясь, сказал Савалт. – Собирайся, будешь теперь жить в моем доме, а не в этом клоповнике!

– Чего же ты на меня положил глаз, витязь? – прислонившись к стене, поинтересовалась Фирузэ. – В Мамаевом гареме есть женщины помоложе и покрасивей, чем я.

– Ты же родом с Руси, как и я, – промолвил Савалт, приблизившись к Фирузэ. – Настоящее твое имя Агафья. Фирузэ тебя нарекли здесь, в гареме, из-за твоих синих глаз. Ведь Фирузэ означает по-басурмански «бирюза».

– Что еще ты обо мне ведаешь? – По красивым устам бывшей Мамаевой наложницы промелькнула еле заметная усмешка.

– Ведаю, что ты родом из Мурома и уже пять лет в неволе у нехристей мыкаешься, – ответил Савалт. – Я помню, как тебя привезли в Сарай воины мурзы Бегича после очередного набега на русские земли. Мы же с тобой, красавица, почти земляки. Ты из Мурома, а я из Рязани. Истинное мое имя Всеволод. Савалтом меня татары кличут.

– Ты, похоже, в чести у Тохтамыша. – Агафья взяла Всеволода за руку, заговорив с ним по-русски. – Сделай же доброе дело, вызволи из гарема мою подругу Ильгизу. Горько мне расставаться с нею.

– Ладно, – Всеволод ободряюще подмигнул Агафье, – поклонюсь в ноги Тохтамышу ради твоей подружки Ильгизы. Чай, не откажет в моей просьбе хан Тохтамыш. Я ведь не последний человек в его свите!

Тохтамыш уважил просьбу Всеволода, разрешив ему взять из Мамаева гарема не одну, а двух наложниц по своему выбору.

Ильгиза чуть не упала в обморок от радости, узнав, что ее вместе с Фирузэ забирает к себе домой казначей Савалт.

Такая щедрость Тохтамыша пришлась не по душе многим его приближенным. В первую очередь этим был недоволен эмир Алибек, который и без того косо поглядывал на русича Савалта. Возмущался Алибек и тем, что Тохтамыш отпустил на все четыре стороны Ханум, старшую из Мамаевых жен, следуя совету Савалта.

В беседе с Алибеком Тохтамыш разъяснил тому, что склочная и злобная Ханум непременно станет обузой для Мамая, который ныне вынужден скитаться по степям, имея нужду во всем. К тому же Ханум привыкла совать нос во все дела, она непременно станет надоедать Мамаю своими наставлениями, будет досаждать ему различными требованиями. Вполне может случиться так, что из-за вмешательства Ханум Мамай примет какое-нибудь ошибочное решение и это окончательно погубит его. Именно на это и рассчитывает Тохтамыш, прислушавшийся к совету Савалта, который прекрасно знает истеричную натуру Ханум и ее влияние на Мамая.

Глава 6. Ханум

В юрте пахло старыми овчинами, кизячным дымом и кислой сывороткой из овечьего молока. В очаге тлели горячие угли, подернутые сизым пеплом. Горели масляные светильники, источая запах прогорклого конопляного масла.

Сидящий возле очага Мамай с мрачным видом выслушивал двух своих гонцов, которые привезли ему неутешительные вести из стойбищ кипчакского племени анджоглы. Тамошние вожди отказались воевать на стороне Мамая против Тохтамыша. Оказалось, что повинны в этом Чалмай и Огул-бек, уговорившие знатных людей из племени анджоглы присягнуть на верность Тохтамышу.

Отпустив гонцов, Мамай отхлебнул кумыса прямо из бурдюка и принялся расхаживать по юрте, ругаясь сквозь зубы. Видя злобное настроение Мамая, все его слуги поспешили удалиться из юрты, дабы не угодить под горячую руку своего господина.

«Позавчера ко мне прискакал гонец от шатров кипчакского племени дурут с известием, что изменник Сатай склонил старейшин этого племени на сторону Тохтамыша, – размышлял Мамай. – Сегодня я узнаю о том, что племя анджоглы не пойдет за мной против Тохтамыша, поскольку предатели Чалмай и Огул-бек очернили меня в глазах тамошних родовых вождей. Кругом измена и предательство! Круг моих

верных сторонников быстро редеет. Как мне воевать с Тохтамышем в таких условиях?..»

Размышления Мамая были прерваны появлением его супруги Ханум, юрта которой стояла рядом с Мамаевым шатром.

Будучи ханского рода в отличие от Мамая, Ханум привыкла держать себя надменно и вызывающе, общаясь с супругом. В глубине души Ханум никогда не любила Мамая, став его женой помимо своей воли. Хан Бердибек, отец Ханум, так сильно желал заполучить власть над Золотой Ордой, что ради этого пошел на убийство своего отца и братьев. У Бердибека было очень мало сторонников среди сарайской знати, поэтому он приблизил к себе темника Мамая, осыпав его почестями и дарами. Воины Мамая возвели Бердибека на трон, вырезав всю его родню по мужской линии. Бердибек отблагодарил Мамая тем, что сделал его своим зятем. Впрочем, Бердибек просидел на ханском троне всего два года. Он был зарезан вельможами из своего окружения, которые устали от его бессмысленной жестокости. У Бердибека была привычка казнить своих приближенных за малейшие провинности. Даже Мамай не смог спасти Бердибека от смерти, поскольку ему самому в ту пору пришлось спасаться бегством.

Ханум было чуть больше тридцати лет. Она была невысока ростом и склонна к полноте, уродившись этим в отца. Матерью Ханум была аланская княжна, поэтому ее кожа была заметно белее, чем у прочих знатных татарок. Лицо Ха-

нум имело приятные черты, у нее были миндалевидные глаза с длинными темными ресницами, высоко вскинутые брови, круглый высокий лоб, небольшой прямой нос, красиво очерченные уста, мягко закругленный подбородок. Свои длинные иссиня-черные волосы Ханум обычно заплетала в четыре косы, две из которых она укладывала венцом на макушке, пряча их под круглой нарядной шапочкой. Две другие косы обычно свисали на грудь Ханум, прикрывая ей уши. Эти свисавшие на грудь косы Ханум любила украшать жемчужными ожерельями, бусами и серебряными монистами.

Одевалась Ханум неизменно в длинные роскошные наряды, сочетая в них персидский, аланский и татарский стили. Оказавшись на свободе, Ханум тем не менее негодовала на Тохтамыша за то, что тот не позволил ей при отъезде из Сарая взять с собой все наряды и украшения. Ханум была озлоблена на Тохтамыша еще и за то, что ей оставили всего троих служанок из двадцати.

– Долго ты еще намерен торчать на реке Хопер? – подступила к Мамаю рассерженная Ханум. – Чего ты выжидаешь, муженек? Послов от Тохтамыша или наступления зимы?

– У меня мало войска для похода на Сарай, – хмуро ответил Мамай, чуть ли не силой усадив жену на кошму в глубине юрты. – Я ожидаю подхода кипчакских отрядов. К тому же мои нукеры собирают в кулак остатки моего воинства, разбитого урусами и рассеявшегося по равнинам.

– Я знаю, что донские и приволжские кипчаки не хотят

идти за тобой, муж мой, – молвила Ханум, сверля Мамая недовольным взглядом. – Ты напрасно теряешь время, ожидая подкреплений. Нужно действовать с теми силами, какие у тебя есть! В прошлом ты же одолевал своих недругов и с малым войском.

– Тохтамыш слишком опасный враг! – раздраженно проговорил Мамай, не глядя на жену. – У него закаленное в походах войско. Перед тем как захватить Сарай, Тохтамыш силой взял власть в Синей Орде, уничтожив Урус-хана и его сыновей. За спиной Тохтамыша стоит Тимур Железный Хромец, эмир Самарканда. За моей спиной никто не стоит, мне не на кого опереться. Мои приближенные предают меня один за другим.

– Ты же заключил союз с литовским князем Ягайлой перед походом на Русь, – напомнила супругу Ханум. – Ягайло шел с полками к тебе на подмогу. Ты вступил в битву с урусами, не дождавшись литовцев. Вот, почему тебя постигла неудача на Куликовом поле. Отправь гонца в Литву. Отправь без промедления! Заручись поддержкой Ягайлы против Тохтамыша.

Мамай встрепенулся, его быстрый взгляд метнулся к Ханум. И впрямь, он же совсем забыл про Ягайлу! Надо бы прояснить, готов ли хитрый литовский князь и впредь поддерживать с ним союз.

– Пожалуй, помощь литовцев была бы мне сейчас весьма кстати, – задумчиво пробормотал Мамай, теребя пальцами

свою куцую бородку. – Я сейчас же пошлю гонца в Литву!

Мамай стремительно выбежал из юрты.

Ханум проводила мужа презрительно-мрачным взглядом. Она глядела на Мамая и не узнавала его! Куда подевались присущие Мамаю умение быстро находить выход из затруднительных ситуаций, его воинственность и сноровка. После разгрома на Куликовом поле Мамая словно подменили! В нем уже не было былой решительности и сообразительности. В душе Мамая уныние чередовалось с приступами бешеной ярости.

Прошло довольно много времени, но Мамай все не возвращался обратно в шатер. Обеспокоенная Ханум тоже покинула мужнину юрту. Она увидела Мамая возле загонов с лошадьми. Мамай разговаривал с военачальником Кайрауком, который седлал коня. Было видно, что Мамай сильно разозлен. Он размахивал руками, что-то гневно выговаривая Кайрауку, который отвечал Мамаю коротко и односложно.

«Неужели Мамай хочет послать в Литву Кайраука? – подумала изумленная Ханум. – Но почему именно его? Почему не кого-то из простых воинов?»

Ханум знала, что Кайраук стоит во главе тысячи кипчакских всадников из племени карабиркли. Подойдя поближе, Ханум смогла понять причину размолвки между Мамаем и Кайрауком. Оказалось, что Кайраук надумал уйти от Мамая в свое родное кочевье. Вместе с Кайрауком были готовы покинуть Мамаево войско пять сотен кипчаков из племени ка-

рабиркли. Именно это и озлобило Мамая.

– Что делаешь, Кайраук? – выкрикивал Мамай с перекошенным от злости лицом. – Как ты смеешь бросать меня в такое трудное время? Ты же обещал быть со мной до победы над Тохтамышем. Неужто забыл, а?..

– Мой брат присягнул на верность Тохтамышу, – промолвил Кайраук, с виноватым видом подтягивая подпругу под седлом. – Я не могу обнажить саблю на родного брата. Я ухожу в родное кочевье, а не к Тохтамышу. В этой распре из-за Сарая я не стану участвовать.

Кайраук потянул за собой оседланного коня, но Мамай встал у него на пути.

– Нет, ты не уйдешь, негодяй! – прошипел Мамай, схватив военачальника за пояс. – Тебе деньги нужны? Скоро я осыплю золотом тебя и твоих батыров! Надо лишь выступить на Тохтамыша! В Сарае я расплачусь с тобой сполна, друг мой. У тебя будет все: арабские скакуны, прелестные наложницы, роскошное оружие, много звонкой монеты… Ну, пойдешь со мной против Тохтамыша?

Мамай несколько раз хлопнул Кайраука ладонью по широкой груди, стараясь заглянуть ему в глаза. Однако Кайраук смотрел себе под ноги, его скуластое лицо было сумрачно и замкнуто.

– Прости, повелитель, – пробормотал Кайраук, – но мне с тобой не по пути. Я сражался в рядах твоего войска против русов, но теперь у меня не осталось ни сил, ни желания вое-

вать. Мой брат сообщает мне, что Тохтамыш чистокровный Чингизид, поэтому он достоин ханского трона. Я не стану воевать с Тохтамышем. Я ухожу домой.

Оттеснив плечом Мамая, Кайраук двинулся туда, где плотной толпой стояли кипчаки из его отряда, готовые пойти за ним. Многие из этих воинов уже сидели верхом на своих поджарых лошадях с длинными хвостами. Кое-кто из кипчаков еще не оседлал своих коней, эти воины стояли с седлами в руках, ожидая, чем завершится перепалка между Мамаем и Кайрауком.

– Ты гнусный изменник! – выкрикивал Мамай вслед Кайрауку. – Ты скотина и мерзавец! И твой брат такой же!.. Вся ваша семья – это выродки в человечьем обличье! У вас в жилах течет волчья кровь!.. Я плюю на тебя, негодяй!

Разошедшийся Мамай и впрямь плюнул на утоптанную траву, на которой остались отпечатки сапог Кайраука.

– Не плеваться надо, глупец, а угостить этих трусов стрелами! – проговорила подбежавшая к Мамаю Ханум, сделав кивок в сторону людей Кайраука, собирающихся в дорогу. – Прикажи своим верным нукерам окружить этих изменников. Их нужно разоружить и перебить!

Ханум поддержали самые решительные из приближенных Мамая. Правда, таких нашлось всего пятеро. Все прочие вельможи, наоборот, отговаривали Мамая от слишком крутых мер. «Коль мы истребим отряд Кайраука, то это оттолкнет от нас многих кипчаков, – говорили осторожные голо-

са. – Без кипчаков наше войско убавится наполовину. Этого нельзя допустить. Пусть уходит Кайраук со своими батырами, благо что он стремится домой, а не к Тохтамышу».

Мамай согласился с теми из своих советников, кто не желал учинять кровавую бойню. Мамай не хотел раскола в своем войске, поэтому он позволил Кайрауку и его воинам беспрепятственно покинуть стан.

Едва Мамай вернулся в свою юрту, желая залить кумысом печаль и досаду, как пред ним вновь предстала Ханум, подобная рассвирепевшей львице.

– Разве ты похож на повелителя?! На тебя же жалко смотреть! – С этими словами Ханум выбила из рук Мамая чашу с кумысом. – Давай, напейся вдрызг, залей хмельным питьем свою очередную неудачу! Только что Кайраук при всех унизил тебя, муж мой. На глазах у твоих эмиров и нукеров, на глазах у всего войска Кайраук ушел от тебя с пятью сотнями таких же изменников! Тебе нанесли оскорбление, Мамай. И ты стерпел это!

– Замолчи, женщина! – разъярился Мамай, стряхивая со своего богатого чапана жирные капли желтоватого кумыса. – Как ты смеешь…

– Смею, клянусь Аллахом! – повысила голос Ханум, схватив Мамая за отвороты халата и встряхнув его изо всех сил. – Я – ханская дочь! Все мои предки были Чингизидами! Мой прадед хан Узбек за малейшее неповиновение сажал на

кол. Мой дед хан Джанибек, садясь на коня, попирал ногами согбенные спины своих вельмож. Мой отец хан Бердибек за дерзкие речи отрезал язык, за дерзкий взгляд выкалывал глаза. Тебя, моего мужа, только что облили грязью, и ты снес это унижение! – Ханум с размаху влепила Мамаю пощечину так, что у того шапка слетела с головы. – Ты не гурлень, а тряпка! О Аллах, и с этим ничтожеством я делила ложе, родив от него троих сыновей! Хвала Всевышнему, мои старшие сыновья не видят, в какого жалкого хорька превратился их отец!

Получив от Ханум вторую пощечину, Мамай взревел, как раненый медведь. Он отшвырнул жену в сторону и кинулся искать плеть, собираясь исхлестать ее. Не найдя плеть, Мамай схватил ножны от сабли и несколько раз ударил ими Ханум, распростертую на белой кошме.

Закрывая рукой голову от ударов, Ханум продолжала выкрикивать издевательским голосом:

– Эй, слуги, сюда скорее! Поглядите на своего господина! Он одолел слабую женщину, каков удалец!..

Слуги гурьбой ввалились в юрту и растерянно застыли у порога.

Мамай отбросил сабельные ножны и, ткнув пальцем в жену, сердито бросил рабам:

– Волоките отсюда эту змею. Живо!

Не смея поднять глаз на Мамая, рабы торопливо подхватили Ханум на руки и вынесли ее из шатра.

Подняв с полу медную чашу, Мамай наполнил ее кумысом и поднес ко рту. Его рука с чашей на мгновение замерла. До слуха Мамая долетел глухой топот множества копыт, удаляющийся от его стана. Это пять сотен воинов-кипчаков рысью уходили на юг, к Дону, ведомые Кайрауком. Выругавшись сквозь зубы, Мамай залпом осушил чашу. Ядреное хмельное питье огнем прошло по его жилам, в груди разлилось тепло.

Мамай уселся возле очага и снова налил кумыса в свою чашу. Мамаю захотелось отрешиться от всех неприятностей, он надеялся, что кумыс поможет ему в этом.

Когда наступило время вечерней трапезы, к Мамаю опять пришла Ханум, дабы поужинать вместе с ним.

Пьяный Мамай принялся кривляться и подтрунивать над супругой.

– Очам не верю, высокородная Ханум снизошла до меня, ничтожного червя! – заплетающимся языком проговорил Мамай, вскочив с кошмы и отвешивая неловкий поклон. – О госпожа, твое величие неотразимо! Я припадаю к твоим ногам. Прости за столь скудную трапезу, изысканных яств, увы, нет в моем стане. Извини, что тебе придется вкушать эту грубую пищу не на серебре, а с деревянных блюд и подносов. Да еще в обществе такого низкорожденного негодяя, как я! – Мамай икнул и, шатаясь, распрямился. Его рот кривила пьяная ухмылка.

– Прикуси язык! – Ханум дернула Мамая за рукав халата. – Сядь! На кого ты похож? Стыдись, муж мой! Думаешь,

тебе к лицу пьяные выходки! Закуси жареным мясом и ложись спать.

За ужином Мамай больше помалкивал, поскольку Ханум не давала ему и слово вставить. Ханум почти не притрагивалась к еде, она много говорила, вспоминая прошлые победы Мамая и его удачные походы. Вступив в войско двадцатилетним десятником, Мамай стремительно пошел в гору и уже к тридцати годам стал темником, то есть верховодил отрядом в десять тысяч всадников. Когда в Золотой Орде началась смута и ханский трон переходил из рук в руки, для Мамая наступила пора истинного могущества. Имея сильное войско, Мамай обогащался, как хотел, смещая неугодных ему ханов и контролируя большую часть владений Золотой Орды.

– Татарская знать трепетала пред тобой, муж мой, – молвила Ханум, угодливо улыбаясь Мамаю и подкладывая ему самые лакомые куски. – Не говоря уже о кипчаках и саксинах. Вот почему меня так возмутил поступок Кайраука. Верно говорят мудрые люди: друг познается в беде…

Успокоение, наступившее в душе Мамая после выпитого кумыса, куда-то вдруг улетучилось после слов Ханум. Злоба и ярость опять начали закипать в Мамае. После ужина Мамай завалился спать, однако, сон никак не шел к нему. В ушах Мамая звучал голос Ханум, твердивший о том, что льву достаточно один раз как следует рыкнуть, чтобы все шакалы вокруг мигом поджали хвост.

Посреди ночи Мамай призвал к себе своих приближен-

ных, приказав им седлать коней. Во главе тысячи всадников Мамай устремился вдогонку за отрядом Кайраука.

По степи гулял пронизывающий ветер, мелкий холодный дождь бил в лицо. Однако непогода не остановила Мамая, который горел сильным желанием жестоко наказать Кайраука за неповиновение.

Мамай действовал с присущим ему коварством, поначалу отправив к Кайрауку военачальника Тогана с тридцатью конниками из его куреня. Тоган, догнавший отряд Кайраука, наговорил тому, будто он тоже ушел от Мамая, не веря в его победу над Тохтамышем. Во время ночевки в степи люди Тогана бесшумно зарезали воинов Кайраука, стоявших в дозоре.

На рассвете стоянку окружили нукеры Мамая. Кайраук и пять сотников из его отряда были обезглавлены. По приказу Мамая, их отрубленные головы были насажены на колья, вбитые в землю. Воины-кипчаки из отряда Кайраука пребывали в растерянности, никто из них не осмелился оказать сопротивление людям Мамая. Начальство над кипчаками из племени карабиркли взял военачальник Тоган. Такова была воля Мамая.

Прежде чем двинуться обратно к реке Хопер, Мамай дал своим воинам день на отдых. Неподалеку пролегала караванная тропа, ведущая от верхней Волги к устью Дона. Возле этой тропы возвышался древний кипчакский курган с каменной статуей на вершине. В пору язычества кипчаки погреба-

ли свою знать в таких курганах. Приняв ислам, кипчаки перестали насыпать холмы над захоронениями своих вождей. Близ кургана тесной кучкой стояли несколько глинобитных хижин, давно покинутых их обитателями. Жившие здесь когда-то оседлые кипчаки по какой-то причине ушли отсюда. Теперь в этом брошенном селении коротали ночи лишь случайные путники и купцы, проходившие по степному шляху.

Это пустующее селение стало местом стоянки и для Мамаева отряда.

Глава 7. Мамаев курган

Каменные изваяния, которые устанавливались на могильных холмах предками нынешних кипчаков, назывались балбалами. Это слово в переводе с кипчакского наречия означает одновременно и душу умершего человека, и каменную стелу, и место для жертвоприношений. В далеком прошлом кипчаки воздвигали каменные статуи на курганах не только в честь вождей, жрецов и прославленных воинов, но также и в честь знатных женщин. Поэтому эти древние степные изваяния имели как мужской, так и женский облик. Причем, мастера-каменотесы не просто создавали на своих творениях мужские и женские лица грубой отделки, но придавали каждой каменной статуе черты сходства с каким-либо знатным вождем или с кипчакской хатунью, покинувшими сей бренный мир.

С юных лет кочуя по степям, Мамай успел перевидать великое множество кипчакских балбалов, этих немых свидетелей былого могущества кипчакских племен. Кипчаки в свое время отвоевали донские и кубанские равнины у торков и печенегов. В этих привольных краях кипчаки чувствовали себя вольготно, успешно воюя со всеми соседями. Длилось это до тех пор, пока сюда не пришли монголы, разбившие кипчаков и поработившие их раз и навсегда. Те из кипчаков, кто не желал жить под пятой у монголов, ушли в Грузию и

Венгрию.

Предки Мамая были татарами, но в его жилах текла и кипчакская кровь. Дед и прадед Мамая были женаты на кипчакских женщинах. Татарская знать в Золотой Орде давным-давно перемешалась с имовитыми кипчакскими родами. Татары переняли не только местный кипчакский диалект, но и многое из одежд, украшений и предметов быта кипчакских племен. Культура монголов была столь же чужда Мамаю, как и монгольский язык, не прижившийся на этих южных равнинах. Зато культура кипчаков увлекала Мамая, поскольку она была близка и понятна ему, выросшему в этих краях.

…Ранним утром Мамай стал подниматься на холм, господствующий над караванной дорогой и над всей окрестной низиной. Он шел в гору тяжело и медленно, его сапоги и полы длинного халата намокли от росы, серебрившейся в траве и на кустиках полыни. Проведя ночь в тесной хижине, Мамай не выспался и изрядно продрог. Усилия, затраченные при восхождении на высокий курган, разогрели Мамая. Чистый прохладный воздух взбодрил его.

На вершине холма гулял свежий ветер.

Мамай уверенно зашагал к каменной статуе, утопавшей в высокой траве. От Мамая не отставали два молодых нукера в кольчугах и шлемах, с саблями на поясе, с луками и стрелами за спиной.

Двое дозорных при виде Мамая отвесили ему поклон, от-

ступив в сторону. Пронизывающий ветер, видимо, сильно донимал воинов, стоявших здесь в дозоре. Дабы согреться, часовые не стояли на месте, но расхаживали вокруг каменного истукана, за ночь вытоптав на траве широкий круг. Мамай запретил разводить костер на вершине холма, но позволил дозорным сменяться через каждые два часа.

Остановившись в двух шагах от статуи, Мамай принялся внимательно разглядывать ее. Истукан был вытесан из цельной глыбы светло-серого туфа и достигал в высоту человеческого роста. С первого взгляда можно было понять, что это кипчакский воин в панцире и шлеме, опоясанный ремнем. Резец каменотеса искусно воссоздал в этом изваянии черты лица пожилого бородатого мужчины с пышными усами, кончики которых были закручены кверху. У статуи был тонкий прямой нос, густые низкие брови, широкие скулы и миндалевидные глаза, посаженные довольно близко к переносице.

Дабы камень не выветривался с течением времен, древний мастер тщательно отполировал свое творение. Истукан носил на себе следы охристых красок, которыми он был когда-то раскрашен. Судя по всему, усы и борода этого каменного воина некогда имели желтый цвет, одежда на нем была темно-зеленая, а шлем и панцирь – темно-красными. За прошедшие столетия дожди почти полностью смыли краску с этой статуи.

Чаще всего каменные кипчакские «бабы» представляли собой прямостоящие фигуры. Однако среди них попадались

скульптуры и в сидячем положении. Сидящим оказался и каменный истукан, которым заинтересовался Мамай в это ветреное осеннее утро. Все кипчакские статуи, виденные в прошлом Мамаем, неизменно держали в руках неглубокие каменные горшочки, куда родичам полагалось класть что-нибудь съестное в виде подношений душам умерших предков. Имелся такой сосуд и в ладонях пышноусого каменного воина, возле которого застыл Мамай в глубокой задумчивости.

«Кем ты был при жизни, беком или вождем куреня? – размышлял Мамай, глядя в каменные глаза изваяния. – Сколько жен у тебя было, сколько сыновей и дочерей? Через какие битвы и опасности ты прошел? Как завершился твой земной путь, гибелью в сече или смертью от болезни?..»

В любом случае, этот знатный кипчак, навеки упокоившийся на этом холме, прожил достойную жизнь и был погребен здесь с почестями.

Об этом свидетельствует холм, самый высокий в округе, и эта каменная статуя с запечатленными на ней чертами умершего. Чем выше погребальный курган, тем славнее почивший кипчакский витязь, обретший вечный покой в его чреве. Так было принято у кипчаков в былые далекие времена.

«Ныне все не так, – с глухим раздражением подумал Мамай. – Ислам уравнял всех: знатных и незнатных, храбрецов и трусов… Ныне всех погребают в земле на кладбищах без лишних церемоний, без каменных изваяний. А павших воинов и вовсе зарывают где придется, не отмечая место их по-

гребения ни холмиком, ни камешком… Получается, что для Аллаха люди – мусор!»

Повернувшись спиной к каменной статуе, Мамай стал разглядывать степные дали, подернутые туманной дымкой. Отсюда, с высоты, открывался прекрасный обзор во все стороны. Голубое безоблачное небо было пронизано яркими горячими лучами восходящего солнца.

Мамаю вдруг стало жутко от мысли, что если он не разобьет Тохтамыша, то имя его и былая слава очень скоро позабудутся людьми. Уже сейчас поражение от русских полков на Куликовом поле довлеет над Мамаем, как проклятье. Эта серьезная неудача подкосила авторитет Мамая среди кочевой знати. Дабы восстановить свое влияние на местную знать и вновь стать хозяином Сарая, Мамаю нужно любой ценой победить Тохтамыша!

«В прошлом я четырежды терял Сарай, но всякий раз одолевал своих противников, – мысленно успокаивал себя Мамай. – Одолею и Тохтамыша. Вот соберусь с силами и разобью этого выскочку!»

Мамай расправил плечи и вдохнул полной грудью чистый степной воздух с горьковатым привкусом полыни. Он еще раз оглядел далекий горизонт на востоке, который манил его, ибо в той стороне течет река Волга, на которой стоит Сарай.

Внезапно Мамай насторожился, его зоркие глаза заметили на гребне далеких холмов какое-то смутное движение. Там, вдали, двигалась конница, темным потоком перелива-

ясь через изумрудно-голубую холмистую гряду. Надвигаясь с востока, конница стремительно приближалась к караванному шляху. Беспокойство овладело Мамаем; если это скачут враги, то сражения никак не избежать.

Срывающимся от волнения голосом Мамай крикнул дозорным и своим нукерам, чтобы те со всех ног бежали к подножию холма в их спящий стан, разбудили военачальников и объявили тревогу. Молодые воины опрометью кинулись выполнять приказ Мамая. Благодаря их расторопности, отряд Мамая сумел быстро оседлать коней и приготовиться к битве.

Вскоре выяснилось, что к степному шляху подошли конные отряды из Мамаева становища на реке Хопер. Оказалось, что покуда Мамай гонялся за отрядом Кайраука, его войско потерпело поражение от конницы Тохтамыша.

– Орда Тохтамыша обрушилась на наш стан нежданно-негаданно, – молвил Мамаю военачальник Турсунбек. – Нашим батырам, может, и удалось бы сдержать натиск врагов, если бы не измена. В самом начале сражения аланы и саксины перебежали на сторону Тохтамыша. У кокайцев и так был численный перевес над нами, но когда к ним примкнули аланы и саксины, тягаться с ними нам стало совершенно не под силу…

Турсунбек сокрушенно покачал головой в островерхом шлеме, обмотанном чалмой. Он не смел заглянуть в глаза Мамаю.

Мамай накричал на Турсунбека, обзывая его «малодушным негодяем». Мамай был вне себя от ярости. Все его усилия по сколачиванию сильного войска пошли прахом. Досталось от Мамая и прочим военачальникам, трусливо бежавшим от Тохтамыша.

Даже то обстоятельство, что приближенные Мамая сумели вызволить из опасности его жену, нисколько не смягчило Мамаев гнев, обрушившийся на них. Мамай называл воинов Тохтамыша «сборищем дикарей» и «трусливыми бабами в штанах», коих можно рассеять одним криком, не прибегая к оружию. При этом Мамай вспоминал свои победы над кокайцами, когда ему удалось изгнать из Сарая Урус-хана. Это случилось пять лет тому назад.

Всех выходцев из Синей Орды поволжские татары называли кокайцами. Кок-Орда в переводе с татарского значит Синяя Орда.

Ханум тоже была озлоблена на Мамаевых полководцев, поскольку во время стремительного бегства от кокайцев она растеряла всех своих служанок и была вынуждена оставить в юрте то немногое из одежды и нужных в дороге вещей, что у нее имелось.

– Я теперь совершенно нищая! – сердито выговаривала Ханум Мамаю. – У меня нет ни щепотки благовоний, ни капли ароматного масла. Нет ни гребня, ни опахала, ни румян! Зеркала и того нет!.. Вдобавок ко всему этому мне теперь придется ютиться в этой тесной грязной хижине с дырявой

кровлей! – Ханум брезгливо передернула плечами, оглядев запыленные глинобитные стены жалкого жилища, куда привел ее Мамай. – Здесь же нет ни стола, ни стульев. Нет и ложа, куда мне приклонить голову. Эта бешеная скачка вымотала меня!

– Прилягь вот здесь, драгоценная моя, – ласково промолвил Мамай, суетливо взбивая вороха пожухлой степной травы разложенные на грязном полу. Мамай сам провел ночь на этой жесткой постели.

– Ты с ума сошел, муженек! – возмутилась Ханум. – Я – ханша, а не безродная рабыня!

– Иных удобств здесь нет, госпожа, – с глухим раздражением бросил Мамай, застелив ложе из травы своим плащом. – Коль ты брезгуешь этой лежанкой, тогда прислонись к стене и подремли стоя, как это делают верблюды и лошади. Нам ныне не до жиру, быть бы живу!

– До чего ты докатился, Мамай! – ворчала Ханум, устраиваясь на травяной постели. – До какого жалкого состояния ты дошел! Пастухи и те живут в лучших условиях! Как ты будешь воевать с Тохтамышем? У тебя же нет ни войска, ни денег!

– Я соберу новое войско, – отозвался Мамай, присев на корточки возле очага и подкладывая в огонь пучки сухой полыни. – В крымских городах у меня припасено много золота. Эти сокровища привлекут ко мне множество головорезов, готовых на все ради звонкой монеты. Уж я-то знаю гнусную

людскую натуру!

– Гляди, муж мой, как бы этот сброд тебя самого не поднял на копья, – негромким сонным голосом проронила Ханум.

Через несколько мгновений Ханум погрузилась в глубокий сон, сморенная сильной усталостью.

В хижину вошел Актай, верный конюший Мамая. Он принес охапку сухих веток для костра.

Мамай негромко повелел Актаю остаться в хижине и поддерживать огонь в очаге.

– Меня ждут мои горе-полководцы, – ворчливо добавил Мамай, облачаясь в подбитый мехом чапан и нахлобучив на бритую голову мохнатую татарскую шапку с загнутым верхом. – Надо обсудить с ними, что делать дальше. Положение наше дрянь, но и отчаиваться еще рано.

Дабы взбодрить своих военачальников, изрядно упавших духом, Мамаю пришлось произнести длинную речь. Мамай говорил, что у него никогда не было полного доверия к аланам и саксинам. И то, что они перебежали к Тохтамышу, есть благо для сторонников Мамая. «Пусть наше войско уменьшилось вдвое, зато мы избавились от людей ненадежных и слабовольных, – молвил Мамай. – Лучше иметь под своим знаменем горсть батыров, испытанных в боях, чем огромное скопище воинов, готовых разбежаться при виде неприятеля. Пускай Тохтамыш радуется своей победе над нами. Вряд ли аланы и саксины значительно усилят его воинство. Сегодня

они предали нас, завтра предадут Тохтамыша!»

Сказанное Мамаем ободрило его военачальников, которые разошлись с военного совета заметно повеселевшими. Помимо всего прочего Мамай открыл своим приближенным свое намерение идти в Крым и там собирать новое войско. Крым издавна считался улусным владением Мамая, где у него хранились награбленные в походах сокровища, а тамошние беки и беи ходили в Мамаевой воле.

Перед выступлением Мамай решил совершить молебен, чтобы в пути все было благополучно. Первым делом сам Мамай, а также его приближенные и нукеры совершили омовение, как того требовал обычай мусульман. Расстелив на примятой холодной траве молитвенный коврик-жайнамаз, Мамай встал на колени, предварительно сняв сапоги. Позади Мамая длинными рядами расположились его воины, слуги и свита. Все стояли на коленях в смиренной позе, сложив руки на груди.

Седобородый мулла в белой чалме и в сером длинном халате торжественно-монотонным голосом начал громко читать двадцать вторую суру Корана, именуемую «Дорога». Стихи на арабском языке звучали печально в устах муллы, словно скорбная песнь. Мамай внимал мулле с благоговением на лице. В глубине души Мамаю хотелось верить, что Аллах не оставит его своими милостями. Ведь Бог мусульман всегда на стороне обиженных и гонимых.

Неожиданно раздался топот копыт, и перед скопищем мо-

лящихся людей возник одинокий всадник. Прерывать молебен считалось большим грехом, поэтому наездник, остановив коня, в растерянности не знал, что предпринять. По его скуластому узкоглазому лицу было видно, что он привез недобрую весть, которую обязан поскорее сообщить Мамаю. Вместе с тем гонец не осмеливался перебить муллу, читающего по памяти суру из Корана. Ведь гнев Аллаха может пасть не только на него, но и на всех молящихся здесь в этот полуденный час.

Объятый тревогой Мамай поднялся с колен и властным жестом подозвал к себе гонца. Тот проворно спешился и, переваливаясь на кривых ногах, подбежал к Мамаю. Хриплым торопливым голосом воин поведал Мамаю, что он прискакал сюда из дальнего дозора.

– Приближается войско Тохтамыша, мой хан, – молвил батыр, стоя перед Мамаем с прижатой к груди ладонью. – Кокайцы надвигаются в немалом числе, все конные.

Отпустив гонца, Мамай велел трубачу дать сигнал тревоги, а сам стал поспешно надевать сапоги.

Мулла был вынужден прервать молитву, видя, что все вокруг хватают оружие и спешат к своим лошадям.

– Так не годится, повелитель! – сердито обратился к Мамаю седобородый старец в белой чалме. – Прерванная на полуслове молитва может обернуться для тебя гневом Всевышнего! Остерегись!..

– Поздно остерегаться, старик! – бросил мулле Мамай. –

Гнев Аллаха уже настиг меня, не зря же на нас вышла конница Тохтамыша. Скорее садись на мула и скачи отсюда, отец мой. Боюсь, никакие молитвы не спасут тебя от стрел и сабель кокайцев.

Сердце Мамая сжалось, когда он увидел несметную вражескую конницу, растекавшуюся по равнине. Грозный гул мчащейся конной лавины расплескал тишину, был подхвачен порывами ветра. Бросив в битву свое небольшое войско, Мамай взобрался на вершину кургана, дабы с господствующей высоты проследить за действиями своих военачальников. Подле Мамая находились три сотни его нукеров. С этим отборным отрядом Мамай собирался нанести решающий удар по вражеским боевым порядкам в том месте, где полководцы Тохтамыша начнут брать верх над его конниками.

Сражение вокруг холма разворачивалось беспорядочно и хаотично. Конные отряды сталкивались лоб в лоб, перемешивались в сече, рассыпались, подобно брызгам, и соединялись вновь, чтобы через какое-то время снова рассеяться в этой неразберихе звенящей сталью клинков. Голубые и синие стяги кокайцев мелькали повсюду над шлемами сражающихся конников, над остриями копий. Желтые знамена Мамаева войска совершенно затерялись в этом шумном хаосе, наполненном топотом копыт, боевым кличем воинов и ржанием раненых лошадей.

Мамая трясло от непонятного волнения, похожего на

страх и отчаяние. Он прекрасно видел с высоты, что враги подавляют его батыров своей численностью. Мамай высматривал на поле сражения личный штандарт Тохтамыша. «Если убить Тохтамыша, тогда кокайцы обратятся в бегство! – думал Мамай, нервно кусая губы. – Где же этот злыдень? Куда он подевался?»

Мамай знал, что знамя Тохтамыша представляет собой голубое полотнище с золотым солнцем посередине.

Неожиданно перед Мамаем предстал эмир Турсунбек на рыжем взмыленном коне. От Турсунбека не отставали два его нукера на пегих лошадях. Нукеры приволокли пленника, держа его за руки с двух сторон.

– Повелитель, – воскликнул Турсунбек, спрыгнув с коня, – мои люди захватили вражеского сотника. Вот он!

Мамай оживился, узрев у своих ног смуглолицего степняка в толстой просторной шубе, пропитанной краской нарпос. Эту краску добывали из корней горной травы, называемой в народе верблюжьим лопухом. Эта темно-бордовая краска, затвердевая, превращала любую толстую ткань в прочный панцирь. Заскорузлая шуба на пленнике носила на себе следы от ударов копий и сабель. Шуба защитила этого кокайца от ран, выбить его из седла удалось лишь ударом булавы по голове.

– Говори, негодяй, где Тохтамыш? – произнес Мамай, направив острие своей сабли в лицо коленопреклоненному пленнику. – Говори, или сейчас же умрешь, собака!

Из разбитой головы пленника текла кровь, поэтому его голос прозвучал очень тихо.

– Тохтамыша здесь нет, – сказал он. – Наше войско возглавляет эмир Едигей из племени мангыт.

Мамай спросил, сколько воинов находится под началом Едигея. Однако ответа на этот вопрос Мамай не услышал. Пленник потерял сознание и боком упал на примятую траву, из его носа хлынула черная кровь.

– Сдох. – Турсунбек небрежно пнул носком сапога неподвижное тело в бурой шубе, истыканной копьями и стрелами. Взглянув на Мамая, Турсунбек озабоченно добавил: – Пора уходить, повелитель. Силы врагов втрое превосходят наши. Нам не победить кокайцев.

Мамай молча кивнул и направился к своему коню, на ходу убрав саблю в ножны. В душе Мамая клокотала ярость. Никогда еще не бывало, чтобы враги гоняли его вот так, как антилопу при облавной охоте. Сначала Мамаю пришлось позорно бежать от русов, теперь же ему надо уносить ноги от кокайцев!

Для современников Мамая эта битва стала знаковым событием. В восточных хрониках той поры она отмечена, как сражение у Мамаева кургана. Высокий холм с древним кипчакским захоронением стал называться Мамаевым после этой сечи, случившейся в конце сентября 1380 года.

Глава 8. Эмир Едигей

Наибольшим расположением Тохтамыша из всех его приближенных пользовался эмир Едигей. Многие вельможи в окружении Тохтамыша недолюбливали Едигея и относились к нему с опаской. Едигей был беспринципным человеком, склонным к подлости и коварству. В отличие от Тохтамыша, Едигей был совершенно чужд милосердия и благородства. Властолюбие и жестокость толкали Едигея на неприглядные поступки, которые, впрочем, не вызывали у него по прошествии времени ни горечи, ни сожалений.

Едигей происходил из монгольского племени мангыт, осевшего на берегах Сырдарьи после завоевания Хорезма Чингисханом. Ко времени раздробления державы Чингизидов на независимые друг от друга орды монголы из племени мангыт уже до такой степени перемешались с кипчаками, что совершенно позабыли родной язык. Кочевые племена, образовавшие Синюю Орду, разговаривали на своеобразной смеси из кипчакского и карлукского языков. Жившие в Хорезме тюрки и таджики привнесли свою лепту в это степное наречие, получившее название джагатайского. По имени Джагатая, сына Чингисхана, некогда получившего во владение Хорезм, Семиречье и земли уйгуров.

Ханы Синей Орды имели своим родоначальником Орду-ичена, старшего брата Бату-хана. Долгое время потомки

Орду-ичена были данниками ханов Золотой Орды. Однако после смерти хана Узбека, насадившего ислам в Золотой Орде, по берегам Волги прокатился мор. Убыль населения и неудачные войны с Хулагидами ослабили Золотую Орду, которая погрязла в междоусобицах. Это привело к тому, что Хорезм и Синяя Орда вышли из-под власти золотоордынских ханов.

Урус-хану, властелину Синей Орды, удалось даже на короткое время занять ханский трон в Сарае. Изгнанный из Сарая темником Мамаем Урус-хан собирал силы для нового похода на Волгу, в это же время у него произошла ссора с двоюродным братом Туй-Ходжой. Нукеры Урус-хана убили Туй-Ходжу и двух его сыновей. Тохтамыш, старший сын Туй-Ходжи, нашел прибежище в Самарканде у эмира Тимура, начав войну с убийцей своего отца.

Во время этой войны к Тохтамышу примкнул Едигей, разругавшийся со своим отцом – эмиром Балтыкчой, главным советником Урус-хана. Тохтамыш очень скоро оценил военные способности Едигея, который был отважен в битве и вместе с тем осмотрителен в опасности. Едигей никогда не бросался на врага очертя голову, без тщательной разведки. Заманить Едигея в западню было совершенно невозможно, ибо он, как волк, имел чутье на любую хитрую ловушку неприятеля. Тохтамыш поручал Едигею самые важные и опасные дела, зная, что тот никогда не подведет его.

Уничтожив Урус-хана и его сыновей, Тохтамыш стал вла-

стелином Синей Орды. Едигей, по сути дела, являлся его правой рукой. Они даже породнились. Тохтамыш женился на родной сестре Едигея Тавлинбеке, а Едигей взял в жены Тохтамышеву дочь. По возрасту, Едигей был на пять лет моложе Тохтамыша.

Эмир Балтыкча, отец Едигея, угодил в плен к Тохтамышу, который собирался пощадить его, как своего родственника. Но Едигей так сильно ненавидел отца, что убедил Тохтамыша казнить его. Эмира Балтыкчу удавили веревкой. Всех приближенных Тохтамыша покоробило то, что Едигей присутствовал при казни отца и даже плюнул ему в лицо, когда тот уже стоял с петлей на шее. Тохтамыш выразил неудовольствие Едигею за такой его поступок. Мол, вражда враждой, но сыновняя почтительность к родителю должна быть при любых обстоятельствах.

Едигей же заметил на это Тохтамышу, что в делах вражды и мести он с родством не считается. Как бы в доказательство своих слов, Едигей убил и двух своих братьев, которые не пожелали служить Тохтамышу.

За такую преданность Тохтамыш оказывал Едигею свое особое покровительство и шел навстречу любым его просьбам. Разбив Мамаево войско на реке Хопер, Тохтамыш именно Едигея отправил вдогонку бегущим вражеским отрядам, видя, как тому не терпится пленить самого Мамая. Рассеяв остатки Мамаева войска, Едигей прибыл в Сарай победителем. Тохтамыш щедро наградил Едигея, несмотря на

то, что Мамаю удалось ускользнуть от него.

Прознав, что Тохтамыш собирается отправить послов в Москву, дабы известить тамошнего князя о своем воцарении в Золотой Орде, Едигей пожелал возглавить это посольство. Едигею не сиделось на одном месте, честолюбие постоянно подталкивало его к действию. К тому же Едигею очень хотелось взглянуть на знаменитого князя московитов Дамир-мола, сокрушившего Мамаевы полчища на Куликовом поле. Да и на Руси Едигей никогда не был, ему было любопытно посмотреть, как живут русы, о которых он много слышал. Тохтамыш не стал возражать, поставив Едигея старшим над своими послами. В помощники Едигею Тохтамыш назначил Савалта, который должен был служить толмачом на переговорах с московским князем.

Проводником был назначен мурза Сатай, не единожды ходивший в набег на русские земли. Для охраны своего посольского каравана Тохтамыш выделил полторы сотни отборных воинов из племени мангыт. Едигею Тохтамышем было велено договориться миром с московским князем о ежегодной выплате дани в Сарай. Это была главная цель посольства Тохтамыша.

* * *

– Какую дань можно собирать с этих людей, ведь они же прозябают в нищете! – Такие слова сорвались с уст Едигея,

когда он, очутившись на землях Рязанского княжества, узрел убогие тамошние деревни.

Рязанские села, граничившие со Степью, и впрямь поражали своей бедностью. Их население было очень невелико. Селяне ютились либо в приземистых курных избах из потемневших от времени бревен, либо в полуземлянках, похожих на вкопанные в землю хижины с двускатными тесовыми кровлями. Дымовых труб такие жилища не имели, поэтому дым из очагов выходил наружу через дверь или через отверстие в крыше.

Татары сделали остановку в небольшой рязанской деревеньке.

Заглянув в одну из полуземлянок, Едигей поразился бедности ее обитателей. Там, в жуткой тесноте проживали изможденная каждодневным трудом женщина и пятеро ее детей. В этом же земляном жилище находился курятник и стойло для коз, которые паслись неподалеку на лужайке. Страшась Едигея, бедная женщина упала перед ним на колени и все ее дети также поклонились ему, кроме младенца, лежащего в люльке.

В этом полутемном душном жилище витал стойкий запах куриного помета, дыма и грязных овчин, которыми были застелены постели.

Брезгливо морща нос, Едигей спросил у коленопреклоненной крестьянки, где ее муж. Савалт перевел вопрос Едигея с татарского на русский. Из ответа женщины яствовало,

что муж ее умер несколько лет тому назад от простуды.

– Как же ты живешь без мужа и с пятью детьми? – вновь спросил Едигей.

– Живу, как могу, – ответила селянка, глядя в земляной пол.

Едигей обошел другие избы и землянки, всюду обнаруживая лишь женщин и детей. Мужчин в селе не было, не считая троих старцев, согбенных годами. Из ответов женщин Едигей выяснил, что кто-то из мужчин утонул в реке, кто-то умер от тяжкой хвори, кто-то сгинул в неволе у степняков…

– Ты не знаешь русов, – сказал Сатай Едигею. – Все здешние женщины хитрят. Их мужья загодя попрятались кто куда, скрылись от нас и все местные юные девы. Наверняка и все юноши тоже убежали в лес, прознав о нашем приближении. Потому-то в избах осталась лишь малолетняя детвора. У русов дозорные никогда не дремлют, к этому их приучила многолетняя опасность из Степи.

Уныния и серости бедным рязанским селениям добавляло хмурое осеннее небо, затянутое плотным пологом из туч; налетавший порывами холодный ветер срывал желтую листву с берез и кленов. Под копытами татарских лошадей чавкала жирная грязь, поблескивали оконца луж, в колеях от тележных колес стояла дождевая вода – такими были дороги, по которым послы Тохтамыша добирались от степного порубежья до стольного града этих земель.

Рязань, раскинувшаяся на обрывистом берегу реки Тру-

беж, тоже не произвела на Едигея благоприятного впечатления. Было видно, что город отстраивается заново после недавнего сильного пожара. На каждом шагу высились терема из свежеоструганных бревен, улицы были засыпаны щепками и сосновой стружкой; на крепостных валах шли работы по возведению деревянной стены и башен.

Едигею стало любопытно, какой враг столь безжалостно разорил Рязань. Ему ответил вездесущий Сатай.

– Это Мамай сжег Рязань дотла, – сказал он. – Я тоже участвовал в том походе. Случилось это в прошлом году. Мамай был разъярен тем, что московская рать разбила его войско под началом мурзы Бегича на реке Воже. Речка эта протекает неподалеку от Рязани. Мамай таким образом отомстил рязанскому князю Олегу за то, что тот не привел свою дружину на подмогу Бегичу. Олег ведь заключил союз с Мамаем против Москвы.

– Вот оно что! – Едигей слегка покивал головой в островерхой шапке с меховой опушкой. – Теперь я не удивляюсь, почему Олег не пришел со своим воинством на Куликово поле. Олег отомстил Мамаю мечами московитов.

О том, что рязанские полки не соединились с Мамаевой ордой перед Куликовской битвой, Едигею было известно от того же Сатая.

Центральная цитадель Рязани, окруженная рвом и валом, по гребню которого тянулась бревенчатая стена, не пострадала от огня. Видимо, огненный вал не смог преодолеть ши-

рокий ров, заполненный водой из реки Трубеж.

Дубовый княжеский терем возвышался всего в полусотне шагов от белокаменного храма с позолоченными крестами на блестящих куполах. Небольшая площадь перед храмом была вымощена плоскими камнями, а улица, протянувшаяся от ворот детинца до княжеских хором, была выложена настилом из еловых бревен и березовых досок.

У распахнутых ворот, ведущих на княжеское подворье, толпились горожане, мужчины и женщины. Юркие подростки облепили изгороди и развесистые липы, тараща глаза на татар. Весть о татарском посольстве быстро облетела город.

Едигей внимательно приглядывался к знатным русам, коих легко можно было опознать по длинным одеяниям из парчи и атласа самых ярких расцветок, по высоким шапкам, опушенным мехом соболя или куницы. На ногах у рязанских бояр были красные и желтые сафьяновые сапоги с загнутыми носками. Едигея удивило то, что боярские жены не прячутся по домам, но вместе с мужьями пришли посмотреть на гостей из Степи. Рязанские боярыни произвели на Едигея весьма приятное впечатление. Все они были статны и красивы, румяны и голубоглазы, все красовались в длинных шубах с меховой оторочкой, в белых платках и небольших шапочках с круглым парчовым верхом и опушкой из меха лисы или горностая.

Княжеские хоромы не понравились Едигею. Даже при беглом взгляде было видно, что терем очень и очень древ-

ний. Дверные проемы повсюду были так низки, что Едигею невольно приходилось нагибаться, чтобы не удариться головой о верхнюю дверную притолоку. Едигею пришлось снять шапку, поскольку она то и дело слетала у него с головы. Во всех теремных помещениях царил полумрак, так как окна здесь были совсем небольшие или их не было вовсе. В теремных покоях пахло пылью, какими-то травами и свечным воском; огоньки свечей озаряли темные переходы с нависавшими над головой массивными потолочными балками, широкие лестничные ступени с гладкими ясеневыми перилами.

Встреча Едигея с рязанским князем Олегом Ивановичем произошла в гриднице, просторном покое с длинными столами и скамьями, с узкими окнами, забранными зеленовато-мутным стеклом. У дальней стены, увешанной щитами и оружием, стоял трон с высокой спинкой и подлокотниками. Перед троном были расстелены роскошные восточные ковры. В двух больших печах гудело пламя, с треском пожирая березовые поленья.

На вид рязанскому князю было чуть больше сорока лет. Это был довольно высокий широкоплечий мужчина, светловолосый и голубоглазый, с небольшой темно-русой бородой. В чертах его лица было достаточно мужественности и благородства благодаря прямому носу, высокому лбу и длинным бровям.

Едигея неприятно удивило то, что Олег Иванович вышел к послам не в роскошном одеянии, а в длинном темно-фио-

летовом опашне, наброшенном поверх белой льняной рубахи. Вместо княжеской шапки голову Олега Ивановича венчала узкая повязка, скрепляющая его довольно длинные волосы. На крепкой шее рязанского князя висела гривна из витой серебряной проволоки.

Подле Олега находились бородатый священник в черной рясе с посохом в руке, красивый отрок лет тринадцати и трое бояр сурового вида.

Едигей нахмурился. Он ожидал иного приема у рязанского князя. Не понравилось Едигею и то, что мурза Сатай, подскочив к Олегу, начал с ним обниматься, как с закадычным другом.

– Шибко рад тебя видеть, Олег-Иван! – на ломаном русском тараторил Сатай. – Мир твоему дому! Ого, сын твой стал совсем большой! Настоящий батыр! Ох-вах! – Сатай с улыбкой похлопал по плечу миловидного подростка в голубой свитке с золотым оплечьем, формой глаз и изгибом бровей очень похожего на Олега. – Не пора ли невесту подыскивать княжичу? Как мыслишь, Олег-Иван?

Рязанский князь вежливо заметил Сатаю, что тот забыл представить ему своих спутников.

Вскинув руку в широком жесте, Сатай указал Олегу Ивановичу на Едигея и Савалта. Голосом, полным почтения, Сатай назвал их имена и должности, доверенные им ханом Тохтамышем, новым властелином Золотой Орды.

– Хан Тохтамыш? – Олег Иванович изумленно приподн-

нял брови. – Кто такой?.. Почто я не слышал о нем раньше?

Сатай негромко пояснил рязанскому князю, когда и откуда пришел в Сарай хан Тохтамыш. Упомянул Сатай и о родословной Тохтамыша, дающей ему право на владение Золотой Ордой.

Внимая Сатаю, Олег Иванович то и дело покачивал головой, переглядываясь со своими седоусыми боярами, которые тоже не скрывали своего удивления от услышанного.

– А где же Мамай? – по-татарски спросил рязанский князь.

– Мамай бежал в Крым, – ответил Сатай. – Но Тохтамыш настигнет его и там.

– Стало быть, ты теперь служишь Тохтамышу, – сказал Олег Иванович, обращаясь к Сатаю с легкой язвинкой в голосе. Он говорил по-татарски. – С чего же вдруг не люб тебе стал Мамай?

– Мамай – не Чингизид, – промолвил Сатай, глядя то на Олега, то на его бояр. – К тому же Мамай ведет себя, как взбесившийся пес. Он убил Абдуллаха, а потом велел зарезать Мухаммеда-Булака, кои были Чингизидами. После поражения на Куликовом поле Мамай приказал убить шамана Кудаша за то, что тот предрек ему победу над московитами. Это уже не просто убийство, но настоящее кощунство! Мамай просто обезумел, поэтому мне с ним не по пути.

– Ясно, – тем же тоном обронил Олег Иванович. – А коль Мамай одолеет Тохтамыша, что тогда станешь делать, прия-

тель?

– Этого не будет! – уверенно произнес Сатай. – Тохтамыш не по зубам Мамаю!

После того как татарские послы отдохнули с дороги, им было предложено угощение. Столы были накрыты в гридни-це, куда пришла вся рязанская знать, желавшая посмотреть и послушать посланцев хана Тохтамыша, отнявшего Сарай у Мамая. Рязанские бояре не скрывали своей радости по поводу разгрома Мамаева войска в Куликовской битве. Рязанцы не могли простить Мамаю недавнего разорения их стольного града.

За пиршественным столом Едигей смог побеседовать с Олегом Ивановичем откровенно и без толмача, благо рязанский князь свободно говорил по-татарски. Едигей проникся к Олегу Ивановичу невольной симпатией, узнав, что тот выучил татарский и персидский языки, побывав в отроческие годы заложником в Сарае. Благодаря дружбе с ханом Джанибеком, сыном Узбека, Олег не только женился на татарке ханского рода, но и смог с помощью татар отвоевать у своих дядей рязанский стол. Жена-татарка скончалась до срока, родив Олегу двух дочерей. Ныне Олег был женат на Евфросинье, дочери литовского князя Ольгерда. Красивый отрок, на которого обратил внимание мурза Сатай, являлся старшим сыном Олега и Евфросиньи. Звали его Радославом.

В беседе с Олегом Едигей узнал немало интересного и полезного, прежде всего о московском князе, о его непростых

отношениях с соседними князьями. Олег не пытался утаивать от Едигея своей враждебности к Дмитрию Московскому, который отнял у рязанцев град Лопасню на реке Оке и старался натравить на Рязань муромского и пронского князей. Олег был согласен выплачивать дань Тохтамышу, но при условии, что тот поможет рязанцам отвоевать у московлян Лопасню и Коломну.

На вопрос Едигея, как ему надлежит держаться на переговорах с московским князем, Олег ответил, мол, переговоров скорее всего не будет.

«Дмитрий и раньше-то не жаловал послов из Орды, а ныне он и подавно на порог вас не пустит, – сказал Олег. – После столь громкой победы над Мамаем Дмитрий не пойдет ни на какие переговоры с татарами, будь они хоть из Золотой Орды, хоть из Синей. Уж я-то знаю его горделивую и мстительную натуру!»

Едигей отнесся к словам Олега с немалой долей сомнения. Он полагал, что слава побед Тохтамыша над Урус-ханом и его сыновьями докатилась и до Руси. К тому же за спиной у Тохтамыша стоит грозный Тимур Хромец, о коем тоже должно быть известно в Москве. Купцы из Самарканда частые гости на Руси. Не может быть, чтобы московский князь осмелился проявить непочтение к Тохтамышу, не допустив к себе его послов. Так думал Едигей, выехав из Рязани в Москву.

Перебравшись через Оку, татарские послы оказались у града Коломны. В этом месте река Москва впадает в Оку. От Коломны пролегал самый короткий и удобный путь до града Москвы. Однако коломенский воевода не позволил послам Тохтамыша ехать дальше, сославшись на запрет своего князя. Едигей и его люди двое суток простояли под стенами Коломны, ночуя в шатрах. Едигей надеялся, что московский князь, потешив свою гордыню, все-таки согласится на встречу с посланцами Тохтамыша. Но этого не произошло. Пришлось Едигею и его людям возвращаться в Сарай ни с чем.

Встретившись с Тохтамышем, Едигей излил ему всю свою ненависть к московскому князю. Едигей чувствовал себя оскорбленным до глубины души. Он стал убеждать Тохтамыша следующей весной двинуться в поход на Москву. Тохтамыш слегка остудил воинственный пыл Едигея, сказав ему, что прежде всего нужно покончить с Мамаем.

«По слухам, Мамай собирает войско в Крыму, – сказал Тохтамыш. – Ни о каком походе на Москву нельзя и думать, покуда жив Мамай. Стоит нам затеять войну с русами, Мамай может воспользоваться этим и отбить у нас Сарай».

Тогда Едигей стал подталкивать Тохтамыша к вторжению в Крым, дабы еще до зимы разбить Мамая. Но Тохтамыш не хотел уходить из Сарая, опасаясь, что какой-нибудь золотоордынский царевич захватит ханский трон в его отсутствие. К тому же, в Казани и Ас-Тархане вот уже почти двадцать лет сидят независимые ханы Чингизиды, отколовшие-

ся от Золотой Орды. Тохтамышу неизбежно придется покорить силой Казань и Ас-Тархан, дабы восстановить единство Золотой Орды. Но это надо будет осуществить Тохтамышу только после полной победы над Мамаем.

Зима была не за горами, поэтому Тохтамыш полагал, что Мамай лишь к будущей весне сможет собраться с силами.

Глава 9. Кафа

Мамай стал обогащаться с той самой поры, когда у него появилось собственное войско и возможность менять ханов в Золотой Орде, исходя из своих интересов. Во время долгой смуты, охватившей Золотую Орду, немало походных эмиров и царевичей-огланов пытались стать у кормила власти, учиняли грабежи и поборы среди подвластного населения. Самым удачливым среди этих отчаянных голов, без сомнения, был Мамай, который никогда не стремился сам сесть на трон, но способствовал в этом тому претенденту, кто мог отсыпать ему золота щедрой рукой.

Воюя на стороне своего очередного ставленника, Мамай львиную долю добычи забирал себе. Находясь подле ханского трона, Мамай был сам себе господин. Он без стеснения запускал руку в ханскую казну, самолично устанавливал размер торговой пошлины и следил за деятельностью дивана битикчи, ведомства, ответственного за поступления податей со всех слоев населения Золотой Орды.

Свои богатства Мамай хранил не в Сарае и не в кочевьях, а в укрепленных городах и крепостях на Крымском полуострове. Крым был самой богатой областью Золотой Орды благодаря приморским городам, куда стекались товары с Востока и Запада. Греки, генуэзцы и венецианцы имели свои колонии на побережье Крыма, которые платили дань золотоор-

дынским ханам. Греки издавна владели Херсонесом и Евпаторией. Генуэзцы закрепились в Сугдее и Кафе. Венецианцы облюбовали Тану в устье Дона.

Всех выходцев из Италии греки и русичи называли фрягами. Так же их стали называть и татары.

Греки и фряги, имевшие богатый опыт каменного строительства, укрепили свои города-колонии мощными стенами и башнями.

Мамай, не единожды побывавший в приморских крымских городах, сразу оценил выгоду каменных крепостей. Благодаря укреплениям, даже небольшой гарнизон мог долгое время выдерживать осаду огромного войска. Наняв фряжских каменщиков, Мамай возвел каменную цитадель на реке Салгир, пробившей русло среди крутых склонов Белых гор. Эту крепость Мамай назвал Экибаш. Другое укрепление под названием Солхат фряги построили на пересечении сухопутных дорог, ведущих с морского побережья в глубь Крымского полуострова. В этих крепостях Мамай и складывал из года в год свои сокровища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.